

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МАКСИМА ГРЕКА.

*Съ прибавленіемъ его двухъ душеполезныхъ словъ
и канона Св. Дуку-Параклиту.*

Свято-Троицкая Сергіева Лавра.

СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1909.

Печатать разрешается. СПбургъ, Ноября 3 дня, 1908 года.
Цензоръ, *Никонъ* Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Св. ПѢПѢВЪ

МАЗИМЪ ГРК.

Сіе яко иже мже
исправити аще не
въмъ иже аже
иже иже иже
иже иже иже
иже иже иже
иже иже иже

иже иже иже
иже иже иже
иже иже иже
иже иже иже
иже иже иже

Изображеніе, имѣющееся на гробницѣ преп. Максима.

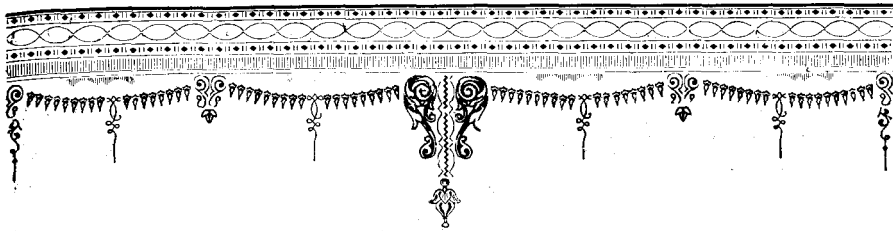

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Жизнь Преподобнаго Максима Грека и его писанія составляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи Русской церкви. Хотя послѣ его кончины прошло уже болѣе трехъ съ половиною столѣтій, но и до сихъ поръ онъ своею жизнію и своими твореніями продолжаетъ интересовать людей, занимающихся изслѣдованіемъ церковной литературы и церковно-исторической науки. Его біографіи помѣщены въ описаніяхъ житій Русскихъ святыхъ: у Филарета, Архіепископа Черниговскаго, у А. Н. Муравьева, въ исторіи Карамзина и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ минувшаго столѣтія; были и отдѣльныя о немъ брошюры. Но въ настоящее время его житія въ продажѣ не имѣется. Между тѣмъ многіе любители духовно-назидательнаго чтенія нерѣдко выражаютъ желаніе имѣть жизнеописаніе сего знаменитаго подвижника и страдальца за правду. Особенно часто заявляютъ такое желаніе посѣтители Троице-Сергіевой Лавры, гдѣ онъ провелъ послѣдніе дни своей страдальческой жизни, и гдѣ

въ особой часовнѣ, именуемой „Максимовскою“, что при церкви Сошествія Святаго Духа, покоятся его посмертныя останки. Съ цѣлю удовлетворить этой насущной потребности и предпринято настоящее изданіе.

М. С.

Ж И Т І Е

Преподобнаго отца нашего

МАКСИМА ГРЕКА.

Праведныхъ души въ руку Божіей, и не прикоснется ихъ мука. Ибо предъ лицемъ человѣческимъ аще и муку примутъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено: и вмалѣ наказани бывше, великими благодѣтельницами будутъ, яко Богъ искуси ихъ и обрати ихъ достойны себѣ (Прем. Сол. 3, 1—5).

Съ особенною ясностію исполнилось это слово Писанія на семь Преподобномъ Максимѣ, праведная жизнь котораго протекла большею частію въ темницахъ и страданіяхъ, которымъ онъ подвергся за свою самоотверженную, просвѣтительную дѣятельность, за труды, подъятыя имъ на пользу и во спасеніе ближнихъ. Таковъ ужъ удѣлъ всѣхъ искренно приступающихъ *работати Господеву* (Сир. 2, 1)! Не даромъ говоритъ Писаніе, что *все хотящіи благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12). Они подвергаются гоненіямъ отъ нечестивыхъ, для которыхъ жизнь праведника невыносима. *Тяжекъ есть намъ, говорятъ они о немъ, и къ видѣнію, яко неподобно есть инымъ житіе его, и отмычны суть стези его: въ поруганіе вмѣнихомся ему, и удаляется отъ путей нашихъ яко отъ нечистотъ: блажитъ же послѣдняя праведныхъ. Увидимъ, аще словеса его истинна суть. Досажденіемъ и мукою истяжимъ его, да увѣмы кро-*

тость его, и искусимъ беззлобство его (Прем. Сол. 2, 15 и проч.).

Таковыми вѣрными чертами Писаніе еще въ ветхомъ за-вѣтѣ изобразило участь праведника на землѣ. А какъ Слово Божіе всегда живо и дѣйственно, то и исполняется оно съ удивительною точностію надъ каждымъ хотящимъ *благочестно жити о Христѣ Иисусѣ*, какъ увидимъ, между прочимъ, и изъ предлагаемаго здѣсь житія праведнаго Мужа.

Преподобный Максимъ былъ по происхожденію Грекъ, изъ города Арты, въ Албаніи, близъ Эпира. Родился около 1480 года, отъ родителей богатыхъ и благочестивыхъ, Мануила и Ирины. Отецъ его былъ знатнымъ сановникомъ и отличался преданностію православной вѣрѣ, а потому и сына своего воспиталъ въ правилахъ благочестія и страха Божія.

Первоначальное образованіе въ наукахъ Максимъ получилъ отъ своего же родителя, ибо въ то время, съ паденіемъ Константинополя и порабощеніемъ всѣхъ Греческихъ областей подъ иго Магометанъ, всѣ училища были уничтожены. Святотатственная рука Турокъ истребила огнемъ и мечемъ все то, чѣмъ гордилась Греція предъ прочими народами. Въ то горестное время ученые Греки разсѣялись по всѣмъ западнымъ государствамъ, которыя по стремленію къ сокровищамъ Греческой литературы съ любовію принимали ученыхъ мужей и покровительствовали наукамъ. Для нихъ открыты были дворы государей, кафедры университетовъ и дружба богатыхъ и знатныхъ.

А какъ въ Греціи въ описываемое время невозможно было любознательному уму получить высшее научное образованіе, то многіе юноши для образованія себя въ наукахъ отправлялись въ Европейскія государства. Италія въ то время отличалась особеннымъ покровительствомъ наукѣ, и повсюду въ знатнѣйшихъ ея городахъ учреждались библіотеки. Папы, государи и богатые граждане спѣшили спасти Греческія рукописи отъ истребленія невѣжествен-

ными Турками. Естественно было и юному Максиму по любви къ наукѣ искать образованія внѣ отечественной страны. Поэтому онъ отправился сперва въ Парижъ, гдѣ у знатнаго Грека Іоанна Ласкариса обучался Богословію, Философіи, Исторіи, Словесности и языкамъ: древне-Греческому, Латинскому, Французскому и Италіянскому.

Окончивъ образованіе у Ласкариса, Максимъ, желая короче ознакомиться съ древними языками, отправился въ Венецію, сблизился тамъ съ знаменитымъ типографомъ Альдомъ Мануччи, который обладалъ глубокимъ познаніемъ древнихъ языковъ, при немъ всегда было общество ученыхъ, помогавшихъ ему при печатаніи книгъ съ древнихъ рукописей. При помощи такихъ руководителей, Максимъ ознакомился съ словесными произведеніями древней Эллады, такъ что и самъ, впоследствии, нерѣдко приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ древнихъ поэтовъ.

Изъ Венеціи Максимъ отправился во Флоренцію, гдѣ долгое время прожилъ тоже среди ученыхъ, но къ несчастію зараженныхъ языческими убѣжденіями; онъ же, какъ мудрая пчела, извлекалъ изъ философіи только то, что не чуждо было хрістіанской религіи. Въ то время, т. е. въ XV вѣкѣ, Италія жестоко страдала недугомъ невѣрія и, какъ обыкновенно бываетъ по закону правосудія Божія, за отверженіе чистой вѣры, предана была жалкому суевѣрію. Объ этомъ современникъ Максима Италіянецъ Доминикъ Бенивенъ говоритъ такъ: „грѣхи и злодѣянія въ Италіи умножились, потому что эта страна потеряла вѣру во Христа“. Тогда вѣрили, что все въ мірѣ, и въ особенности судьба человѣческая, есть только дѣло случая. Нѣкоторые думали, что все управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ, отвергали будущую жизнь и смѣялись надъ религіею. Философы находили ее слишкомъ простою, годною только развѣ для старыхъ женщинъ и невѣждъ. Нѣкоторые видѣли въ ней обманъ и выдумку человѣческую. Такъ было во всей Италіи, и въ особенности во Флоренціи. Всѣ мужчины и женщины обратились къ нравамъ языческимъ, занимались поэтами, астрологами и

всякаго рода суевѣріемъ. Въ самыхъ даже представителяхъ Западной церкви потеряна была вѣра.

Общее зараженіе безвѣріемъ не могло не вліять и на Максима, который въ юномъ своемъ возрастѣ, вращаясь среди заразы, не всегда могъ правильно отдѣлять заблужденія философіи отъ евангельской истины. Но за свое глубокое благочестіе, унаслѣдованное имъ отъ родителей, онъ сподобился особеннаго тайнаго благодатнаго осіянія, которое и сохранило его безвредно отъ потопленія въ волнахъ безвѣрія. „Если бы не Господь, пекущійся о спасеніи всѣхъ, пишетъ о себѣ Максимъ, помиловаль меня и не посѣтилъ вскорѣ Своею благодатію, и не озарилъ свѣтомъ Своимъ мысль мою, то давно погибъ бы и я съ находящимися тамъ проповѣдниками нечестія“.

И дѣйствительно, при всеобщемъ зараженіи безвѣріемъ, невозможно было, безъ особой помощи Божіей, устоять юношѣ, когда самые наставники стремились туда, куда влекла ихъ волна языческихъ нравовъ. Поэтому Максимъ не безъ основанія удивляется тому, какъ могъ онъ избѣгнуть этой всепоглощающей волны, и справедливо приписываетъ промыслу Божію свое правовѣріе и то, что среди безбожниковъ онъ остался невредимымъ отъ увлеченія и сохранилъ чистую вѣру въ Бога.

Почерпнувъ достаточныя свѣдѣнія въ наукахъ и изучивъ основательно Греческій, Латинскій, Французскій и Италіанскій языки, Максимъ оставилъ Флоренцію, но не возвратился на родину, а отправился на Аѳонъ, предпочитая тихую и уединенную жизнь свѣтскому шуму.

Нѣкоторые полагаютъ, что избраніе Максимомъ такого образа жизни совершилось подъ вліяніемъ проповѣди одного тогдашняго знаменитаго проповѣдника. Во Флоренціи онъ слушалъ знаменитаго Саванаролу, который съ пламенною ревностію древняго пророка обличалъ развратъ Флорентійцевъ и призывалъ ихъ къ покаянію. Сильно дѣйствовало его вдохновенное слово; такъ что изнѣженное полуязыческое общество бросало суетныя забавы и обращалось къ строгимъ подвигамъ, къ покаянію и дѣ-

ламъ милосердія. Но власть церковная пресѣкла дѣятельность великаго проповѣдника, который запечатлѣлъ ученеіе свое мученическою смертію на кострѣ.—Въ то время ученые, даже изъ духовенства, глумились надъ церковію и не скрывали своего безвѣрія. Когда же являлись личности, старавшіяся возбудить въ хрістіанскомъ обществѣ живую вѣру, которая проявлялась бы въ живой дѣятельности,—то церковь Латинская преслѣдовала ихъ и предавала заточенію и казни; ибо, стремясь прежде всего къ внѣшней силѣ и власти, она требовала отъ чадъ своихъ лишь слѣпой покорности себѣ и считала опаснымъ всякое проявленіе живыхъ силъ души въ отношеніи къ вѣрѣ.—Изъ нѣкоторыхъ словъ Максима можно заключить, что горячая проповѣдь Саванаролы и мученическая смерть его, которой онъ могъ быть свидѣтелемъ (1498), сдѣлали переворотъ въ его жизни. Онъ рѣшился всецѣло посвятить себя Богу и пребылъ десять лѣтъ на Аѳонѣ въ иноческихъ подвигахъ.

Что мѣстомъ иноческихъ подвиговъ Максимъ избралъ для себя именно Аѳонъ,—это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что вышеупомянутый Іоаннъ Ласкарисъ, у котораго онъ учился еще въ Парижѣ и который впослѣдствіи жилъ въ Венеціи въ качествѣ посла Людовика XII, бывалъ на Аѳонѣ, куда отправлялся изъ Флоренціи за рукописями и вывезъ оттуда до 200 древнихъ книгъ. Отъ него Максимъ неоднократно слышалъ, что въ библіотекахъ Аѳонскихъ монастырей хранится еще множество этихъ драгоценныхъ сокровищъ, и что, кромѣ книгъ, въ монастыряхъ этихъ есть много великихъ старцевъ — философовъ, служащихъ зеркаломъ духовной мудрости и сіяющихъ, какъ созерцательною, такъ и дѣятельною подвижницею жизнію.

Въ то время дѣйствительно на Аѳонѣ, въ двадцати обителяхъ, сосредоточились всѣ богатѣйшія Греческія библіотеки, но преимущественно Ватопедская обитель владѣла болѣе драгоценными сокровищами духовной литературы, которыя ей оставили послѣ своей смерти два

иночествовавшіе въ ней Императора: Андроникъ Палеологъ и Кантакузенъ.

Максимъ прибылъ на Аѳонъ около 1507 года и поступилъ въ братство Благовѣщенской Ватопедской обители, гдѣ принялъ и постриженіе въ монашество. Здѣсь въ уединеніи, вдали отъ шума житейскихъ волнъ, разныхъ превратностей и разномыслія, Максимъ въ кругу опытныхъ и единомысленныхъ старцевъ началъ проводить жизнь по правиламъ Ватопедской обители, проходя усердно иноческіе обѣты нестяжанія и отсѣченія своей воли. При этомъ ему неоднократно, въ видѣ послушанія, давалось порученіе отъ обители отправляться для сбора милостыни, такъ какъ въ то время Ватопедскій монастырь не могъ болѣе содержаться собственными средствами. Хотя и прискорбно было юному иноку, стремившемуся къ уединенію, разлучаться съ обителію и странствовать по мірскимъ селеніямъ; но какъ истинный послушникъ, имѣя въ виду пользу ближнихъ, въ то время угнетенныхъ нуждой, онъ съ любовію отправлялся въ странствованія и, проходя города и селенія, собиралъ отъ добрыхъ дателей изобильную милостыню, платя своимъ благотворителямъ изъ неоскуднаго источника своего любуудрія словомъ назиданія, уча ихъ храненію чистоты нравовъ и вѣры непорочной.

Около десяти лѣтъ преподобный Максимъ провелъ въ Ватопедской обители въ подвигахъ воздержанія и молитвы и въ изученіи свято-отеческихъ писаній и твореній другихъ знаменитыхъ авторовъ духовной литературы. Собирая, подобно трудолюбивой пчелѣ, духовный медъ со всѣхъ благовонныхъ Аѳонскихъ цвѣтовъ, Максимъ думалъ здѣсь, въ безвѣстной тишинѣ, мирно окончить дни свои, посвященные Богу. Но Господь судилъ иначе: иной предлежалъ ему путь,—путь страдальческій, хотя и не лишенный славы, въ чужой ему странѣ, для которой суждено было ему понести труды апостольскіе и запечатлѣть ихъ многолѣтними страданіями въ различныхъ заточеніяхъ.

Сынъ великаго Собирателя земли Русской, Іоанна III,

и Царевны Греческой Софіи, Великій Князь Василій Іоанновичъ, пользуясь миромъ своей державы, обратилъ вниманіе на множество древнихъ Греческихъ книгъ собственнаго его книгохранилища, которыя были принесены его царственной матерью, и пожелалъ найти ученаго Грека, который могъ бы заняться разборомъ этихъ книгъ и переводомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Было и другое побужденіе къ отысканію и вызову въ Россію изъ Греціи какого либо ученаго мужа: это—потребность въ исправленіи бывшихъ уже въ употребленіи книгъ какъ богослужебныхъ, такъ и священнаго Писанія и свято-отеческихъ, подвергшихся отъ времени сильной порчѣ отъ неопытности и малограмотности какъ переводчиковъ, такъ и переписчиковъ.

Съ самаго начала хрістіанства въ Россіи сознали, что книги необходимы, и потому списываніе книгъ стало рано считаться дѣломъ богоугоднымъ. Первые наши хрістіанскіе князья, святители, настоятели монастырей заботились объ умноженіи книгъ, покупали и заказывали списки. Князья и книгини часто сами списывали священныя книги и жертвовали ихъ въ церкви и монастыри на поминъ души. Преимущественно же книги списывались въ монастыряхъ грамотными иноками, которые предпринимали этотъ богоугодный трудъ съ благословенія настоятеля. Списываніе книгъ вмѣнялось часто въ обязанность грамотному иноку, и къ этому дѣлу приступали всегда съ благоговѣйнымъ страхомъ, какъ къ дѣлу святому, къ которому не слѣдуетъ относиться небрежно. Однако и при благоговѣйномъ вниманіи къ богоугодному труду, въ списки легко могли попадать ошибки, которыя стали случаться еще чаще, когда съ теченіемъ времени потребность въ книгахъ стала увеличиваться и списываніе ихъ сдѣлалось выгоднымъ ремесломъ, которымъ и занялись особые писцы, не всегда проникнутые важностію своего труда. По мѣрѣ распространенія грамотности, книгъ съ каждымъ годомъ требовалось болѣе, за работу платили дорого: разумѣется, стали писать ихъ какъ можно спѣш-

нѣе. За выгодный трудъ брались часто писцы плохіе; ошибки умножались въ спискахъ, а поправить ихъ было некому; полуграмотные писцы писали для полуграмотныхъ читателей, книги болѣе и болѣе портились; въ разные списки попадали ошибки, которыя входили и въ церковныя службы.

Прибавить къ этому надо еще неисправность самыхъ переводовъ. Многіе предпринимали переводъ греческихъ книгъ, не изучивъ достаточно греческаго языка, а только, какъ сами выражались, „мало навыкнувъ онаго“. Въмѣстѣ съ русскими, мало *навыкнувшими* греческаго языка, переводили и Славяне, плохо знавшіе Славяно-Русскій языкъ. Можно представить себѣ, какимъ искаженіямъ подвергался первоначальный текстъ: нѣкоторыя непонятныя слова пропускались, другія и не старались переводить, а прямо помѣщали на греческомъ языкѣ; еще другія переводчикъ объяснял, и не всегда удачно. Въ рукахъ невѣжественныхъ писцовъ эти переводы подвергались новымъ, разнообразнымъ искаженіямъ. Одинъ переписчикъ, встрѣтивъ въ рукописи непонятное ему выраженіе, напишетъ на поляхъ свои догадки и предположенія; другой, списывая съ его рукописи, внесетъ эту переписку въ самый текстъ; иной, не понявъ какое-нибудь слово, замѣнялъ его другимъ. Невозможно исчислить всѣхъ измѣненій и искаженій, коимъ подвергался текстъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Разумѣется большей порчѣ подвергались книги самыя необходимыя, и потому часто списываемыя, какъ Евангеліе, Псалтирь и служебники.

Наши святители давно обратили вниманіе на порчу книгъ. Еще митрополитъ Алексій заботился объ ихъ исправленіи и самъ предпринялъ переводъ Евангелія, зная хорошо греческій языкъ. Трудился надъ книгами и Митрополитъ Кипріанъ, но внесъ въ нихъ много сербскихъ словъ и оборотовъ рѣчи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе портились книги; и дошли до того, что не могли найти ни одного исправнаго списка псалтири. Наконецъ пришли къ убѣжденію, что необходимо сличить наши книги съ гре-

ческими и исправить ихъ подъ руководствомъ мужа ученаго, котораго рѣшились вызвать изъ Греціи.

Поэтому Великій Князь Василій Іоанновичъ, въ 1515 г., обратился съ просьбою къ Вселенскому Патріарху Θεоплиту и къ Проту (старѣйшинѣ надъ всѣми настоятелями) Святой Горы, Симеону, о присылкѣ къ нему на время Ватопедскаго старца Саввы, для перевода греческихъ книгъ. На Савву, какъ видно, указалъ іеромонахъ Ватопедской обители Неофитъ, бывшій въ Москвѣ и теперь возвращавшійся изъ Россіи. Съ этою просьбою и богатою милостынею были посланы отъ Великаго Князя бояринъ Василій Копыловъ и торговый человѣкъ Иванъ Варавинъ. По прибытіи на Св. Гору, посланные остановились въ Ватопедской обители, гдѣ они побывали у старца Саввы. Этотъ, на приглашеніе Великаго Князя Московскаго, отозвался, что по старости и болѣзненности ногъ не можетъ ѣхать въ Россію. А какъ просьбу Великаго Князя Московскаго, отъ котораго Греція и Аѳонская Гора пользовались немалыми благодѣяніями, оставить безъ удовлетворенія было неудобно, то Протъ, совмѣстно съ Ватопедскою братіею, рѣшили замѣнить престарѣлаго Савву инокомъ Максимомъ. Игумень Ватопедскаго монастыря Анфимъ написалъ Великому Князю и Митрополиту, что старецъ Савва, на котораго указывалъ Русскій посланникъ, по преклонности лѣтъ и болѣзненному состоянію ногъ, не могъ исполнить повелѣнія державнаго и святительскаго. Посему преподобный отецъ Протъ избралъ честнѣйшаго ихъ брата Максима изъ священной обители Ватопедской, какъ искуснаго въ Божественномъ писаніи и способнаго на истолкованіе всѣхъ книгъ церковныхъ и Эллинскихъ, поелику отъ юности въ нихъ возросъ и научился имъ опытно, и хотя не знаетъ Русскаго языка, а только Греческій и Латинскій, но онъ можетъ вскорѣ ему научиться.

Такимъ образомъ, напутствуемый молитвою и благословеніемъ отцевъ Святой Горы, Максимъ отправился съ послами въ Россію, взявъ съ собою вышепомянутаго іеро-

монаха Неофита и Лаврентія, которые были нѣсколько знакомы съ Русскимъ языкомъ.

Путешествіе ихъ было весьма продолжительно, такъ какъ посланникамъ Русскимъ необходимо было по нѣкоторымъ дѣламъ провести немалое время въ Крыму, а Максимъ это время употребилъ на изученіе Русскаго языка, и они прибыли въ Москву лишь въ началѣ 1518 года.

Радостно и съ большимъ почетомъ встрѣтилъ Максима Великій Князь и назначилъ ему пребываніе въ Чудовѣ монастырѣ, а содержаніе отъ своего Двора. Также оказывалъ особое вниманіе преподобному Максиму и перво-святитель Московскій Варлаамъ, который былъ мужъ святой жизни. Великокняжеская библіотека цѣлыхъ сто лѣтъ не отпиралась, и только теперь открылась для Максима. Она содержала въ себѣ множество древнихъ рукописей и книгъ Греческихъ и Латинскихъ, которыя вывезены были Великою Княгинею Софіею Ѳомишиною изъ Константинополя въ то время, когда она ѣхала въ Россію для бракосочетанія съ Іоанномъ III-мъ, родителемъ Василя Іоанновича. А нѣкоторыя книги были присылаемы ей въ даръ Константинопольскими патріархами. Сокровища Греческой учености привели въ восторгъ ученолюбиваго Грека. Максимъ съ изумленіемъ сказалъ Великому Князю, что и въ Греческой землѣ ему не приходилось видѣть такого множества книгъ. Нужно сказать, что Греческіе Цари, не желая, чтобы Западные народы, находившіеся въ разъединеніи съ Восточною церковію, имѣли въ переводѣ на Латинскій языкъ творенія Восточныхъ учителей, строго запретили вывозъ Греческихъ книгъ въ Западные Государства. Вслѣдствіе этого для Запада, при всемъ его желаніи имѣть переводы Греческой литературы, она была недоступна. Но когда попущеніемъ Божіимъ посланъ былъ варварскій народъ на Греческое царство, и, послѣ плѣненія Константинополя, ожесточенные Турки начали предавать огню все то драгоцѣнное сокровище, которымъ такъ гордилась Греція предъ другими народами и кото-

рое недоступно было народу чуждому по исповѣданію,— тогда нѣкоторые благочестивые хрістіане, заботясь о томъ, чтобы не до конца угасло свѣтило Греческаго православія, взяли множество книгъ Греческихъ и отплыли съ ними въ Римъ. Здѣсь эти книги были встрѣчены съ великою радостію, такъ какъ Римляне давно ихъ добывались. Они съ жадностію начали переводить и печатать всѣ принесенныя книги на Латинскій языкъ, а Греческіе подлинники вѣроломно сожгли. Такимъ образомъ Греческая ученость совершенно оскудѣла, будучи уничтожена въ самой Греціи руками варваровъ, а на Западѣ—не менѣе варварскимъ поступкомъ Латинянъ. Но и въ Россіи великокняжеская бібліотека просуществовала не долго: она погибла въ послѣдствіи въ смутное время; сохранилось лишь то, что успѣлъ извлечь изъ нея преподобный Максимъ.

Съ ревностію принялся Максимъ за разборъ указаннаго ему книгохранилища, при чемъ нашлось много сочиненій, не переведенныхъ на Славянскій языкъ. Съ общаго согласія рѣшено было прежде всего приступить къ переводу толковой псалтири, такъ какъ эта книга болѣе другихъ служить предметомъ благочестиваго упражненія: по ней, послѣ азбуки, начинали учиться читать; она наиболѣе служить предметомъ церковныхъ молитвословій; она же служить и для домашняго молитвеннаго правила какъ уединенному подвижнику, такъ равно и всякому мірянину. Въ помощь Максиму дали двухъ переводчиковъ — Димитрія Герасимова и другого ученаго мужа Власа, которые употреблялись Великимъ Княземъ при сношеніяхъ съ иностранцами, такъ какъ знали языки Латинскій и Нѣмецкій; но ни тотъ, ни другой не знали Греческаго языка. Въ свою очередь и Максимъ плохо еще владѣлъ церковно-Славянскимъ языкомъ, и потому онъ переводилъ имъ Греческій текстъ на языкъ Латинскій, а они передавали его слова по-русски двумъ назначеннымъ для того писцамъ: иноку Троице-Сергіева монастыря Силуану и Михаилу Медоварцеву.

Такимъ образомъ трудились они почти полтора года надъ толковою псалтирью, къ коей ученый Максимъ присоединилъ историческія свѣдѣнія о толкователяхъ. При этомъ переводѣ Максиму приходилось трудиться не только въ томъ, чтобы вполнѣ ясно и съ полнотою передать правильныя выраженія святыхъ толкователей, но и въ непогрѣшительности самыхъ толкованій, такъ какъ въ сводномъ толкованіи псалмовъ были соединены изъясненія двадцати различныхъ толкователей, которыя разнились между собою какъ въ направленіи толкованій, такъ равно и въ самомъ объясненіи однихъ и тѣхъ же псалмовъ, ибо между толкователями было нѣсколько такихъ, которые въ древней Церкви были признаны еретиками, а другихъ православіе считалось сомнительнымъ. Такъ на примѣръ: на ряду съ именами св. Василія Великаго и Іоанна Златоустаго стояли Оригенъ, Аполлинарій, Северіанъ Антиохійскій и прочіе. Трудно было Максиму отдѣлять отъ чистой пшеницы толкованій Св. Отцевъ примѣсь еретическихъ плевелъ; для этого требовалась строгая осмотрительность и глубокое знаніе Богословія. Однако при помощи Божіей и усиленномъ трудѣ Максимъ преодолѣлъ всѣ трудности, и чрезъ годъ и пять мѣсяцевъ представилъ Великому Князю окончанный свой трудъ при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „надлежало бы книгѣ, исполненной такихъ достоинствъ, имѣть и переводчика болѣе опытнаго въ словесномъ искусствѣ, который бы могъ не только глубокомысленныя реченія богомудрыхъ мужей достойно передать, но и временемъ похищенное вознаградить, и невѣжествомъ переписчиковъ поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами Греки и учились у знаменитыхъ учителей, но еще стоимъ нѣгдѣ долу, при подошвѣ горы Фаворской, съ девятью учениками, какъ еще не способные, по грубости разума, быть участниками боголѣпныхъ видѣній Просвѣтителя Іисуса, которыхъ удостоиваются только просіявшіе высокими добродѣтелями. Говорю это потому, что Греческій языкъ, по изобилію въ значеніи словъ и въ разныхъ способахъ

политу. Обиліе назидательныхъ мыслей, ясность и вразумительность перевода,—все это заставило дать весьма одобрителный отзывъ объ этомъ трудѣ, какъ говорить о семъ „Сказаніе о Максимѣ“: „Пресвященный Митрополитъ приходитъ въ царевы палаты со всѣмъ освященнымъ соборомъ, въ сопровожденіи клирика, который несъ новопереведенную Псалтирь, и всѣ соборные одобряють ее, называя ее источникомъ благочестія. Тогда Великій Князь съ радостію принялъ эту книгу и почтилъ трудившихся не только великими похвалами, но и сугубою мздою“.

И такъ переводъ показалъ, что многого можно было ожидать отъ ученаго Грека, поэтому Великій Князь никоимъ образомъ не соглашался отпустить его на Св. Гору, а поручилъ ему, по указанію Митрополита, перевести толкованія древнихъ Отцевъ на Дѣянія Апостольскія и толкованіе Іоанна Златоуста на Евангелія отъ Матѳея и Іоанна. Переводъ этихъ книгъ былъ для насъ весьма важенъ, ибо онъ доставилъ намъ все, что было лучшаго у Грековъ. Впослѣдствіи имъ переведены также Правила апостольскія и правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ; извлеченія изъ книгъ пророческихъ съ толкованіями; житіе Богородицы Метафраста. Великій Князь осыпалъ милостями своими ученаго переводчика. Но тѣмъ дѣятельность его не ограничилась: на него возложили трудъ исправленія церковныхъ богослужебныхъ книгъ, и прежде всего тріоди. Въ этихъ книгахъ оказалось множество ошибокъ, происшедшихъ, какъ сказано выше, отъ невѣжества переписчиковъ и переводчиковъ. Трудъ былъ немалый, и Максимъ ревностно принялся очищать плевелы обѣими руками, какъ самъ выражался объ этомъ. Все это, разумѣется, было дѣломъ многихъ лѣтъ. Въ продолженіи этого времени Максимъ, выучившись Русскому языку и ознакомившись съ Русскою жизнію, внимательно вглядывался во все, что вокругъ его происходило. Живой и воспріимчивый, одаренный чуткимъ умомъ, всегда готовый отозваться на каждый вопросъ, онъ скоро былъ во-

влеченъ во всѣ тревоги современной жизни. Болѣе ста тридцати мелкихъ статей, вышедшихъ изъ-подъ пера Максима, свидѣтельствуютъ о живомъ участіи, съ которымъ онъ относился ко всему, что въ это время занимало и волновало умы въ Москвѣ. Все отозвалось въ твореніяхъ Максима, которыя потому представляютъ для насъ драгоцѣнный историческій памятникъ; въ нихъ отразилась всецѣло современная ему жизнь съ ея взглядами, вопросами и тревогами. Тутъ встрѣчаемъ мы и объясненія церковнаго ученія о церковныхъ обрядахъ; и возраженія иновѣрцамъ; и разборъ тогдашней словесности; и горячія обличенія господствовавшихъ пороковъ, суевѣрія и невѣжества. Такой человекъ, какъ Максимъ, ученый, благочестивый, строго-православный, и притомъ горячо относившійся ко всѣмъ явленіямъ Русской жизни, долженъ былъ имѣть сильное вліяніе на современниковъ. Вскорѣ къ нему примкнули всѣ тѣ, въ коихъ зарождалось сочувствіе къ наукѣ и желаніе духовнаго просвѣщенія.

Время, къ которому относится просвѣтительная дѣятельность въ Россіи преп. Максима, было временемъ разныхъ печальныхъ нестроений, происходившихъ въ ней частію отъ разныхъ иноземныхъ вліяній, частію отъ домашнихъ внутреннихъ причинъ. Прибывъ въ Россію, Максимъ, къ прискорбію своему, увидѣлъ въ жизни мало плодовъ вѣры. Здѣсь это было не слѣдствіемъ увлеченія языческою или какою-либо наукою, какъ на Западѣ, а напротивъ, слѣдствіемъ отсутствія просвѣщенія и умственнаго развитія. Нельзя было упрекнуть Русскихъ въ равнодушія къ вѣрѣ: они были горячо преданы ей, но преданы слѣпо; большинство не знало самыхъ основныхъ истинъ хрістіанскаго ученія, которое потому мало руководило жизнію, мало проявлялось живою дѣятельностію. Дорожа вѣрою своею какъ сокровищемъ, которое должно быть тщательно оберегаемо, большинство ограничивалось внѣшнимъ исполненіемъ обрядовой ея стороны, считая это достаточнымъ для спасенія. Исполняя усердно внѣшніе обряды,

мало кто зналъ ихъ существенное значеніе и мало кто старался объ этомъ узнать. Отсутствіе просвѣщенія и умственнаго развитія оставляло полный просторъ суевѣрію. Ревность къ *своей* вѣрѣ проявлялась не столько желаніемъ изучить ее и исполнять то, что она предписываетъ, сколько презрѣніемъ къ вѣрѣ чужой. Особенно враждебно смотрѣли на вѣру Латинскую.

При Василии Іоанновичѣ, какъ и при отцѣ его, являлись въ Москву послы отъ западныхъ государей, старавшихся склонить Великаго Князя къ союзу съ ними противъ Турокъ. При этомъ говорилось и о соединеніи Церквей, разумѣя, конечно, подчиненіе нашей Церкви Папѣ, какъ главѣ хрістіанскаго міра; говорилось, что Константинополь есть законное наслѣдіе великаго князя, какъ сына Греческой царевны, и что ему не помѣшаютъ овладѣть имъ, если онъ подчинится Папѣ. Очень скоро по прибытіи Максима въ Москву, прибылъ сюда и агентъ папы Льва X, Шомбергъ, и говорилъ въ томъ смыслѣ, убѣждая князя помириться съ Литвою, дабы употребить всѣ силы на Турокъ. Церковь Русская, говорилъ Шомбергъ, не можетъ признавать главою патріарха, подчиненнаго невѣрнымъ; а папа желаетъ принять Русскихъ въ единство и согласіе Римской Церкви, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, но, напротивъ, утвердить и благословить ихъ апостольскою грамотою. Папа тогда возведетъ Русскаго митрополита въ санъ патріарха, а великаго князя коронуетъ королевскимъ вѣнцомъ“. На эти льстивыя предложенія Василій отвѣчалъ, что онъ готовъ быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ папою по государственнымъ дѣламъ Европы, но что Россія съ помощію Божіею будетъ, какъ и доселѣ, держать Греческую вѣру. Позднѣе папа Климентъ VII возобновилъ предложенія, и получилъ такой же отвѣтъ.

Тайные происки въ пользу латинства велись черезъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ для торговли,—въ особенности же черезъ нѣмца врача, Николая Люева или Булева, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Ни-

колая Нѣмчина. Какъ искусный врачъ, онъ пользовался милостію и довѣріемъ Великаго Князя и знатнѣйшихъ лицъ двора, давно жилъ въ Москвѣ и зналъ Русскій языкъ. Онъ вступалъ въ пренія съ Максимомъ, который по сему поводу письменно излагалъ ученіе православной Церкви и обличалъ уклоненія отъ истины Церкви латинской. Люевъ въ письмахъ къ Максиму указывалъ на возможность соединенія Церкви подъ главенствомъ Папы. Соединенія Церкви горячо желалъ и Максимъ, но при этомъ считалъ необходимымъ обращеніе латинянъ къ восточному православію.

Люевъ или Булевъ, называвшій себя профессоромъ медицины и астрологическихъ наукъ, распространялъ среди Русскаго общества и иныя понятія. Въ это время въ западной Европѣ ученые люди сильно увлекались астрологіей. У насъ астрологія тоже внушала живое любопытство, — но любопытство, смѣшанное съ нѣкоторымъ страхомъ, какъ наука, осужденная Церковію вмѣстѣ съ магіей, чародѣйствомъ и т. п. Но люди, побывавшіе въ сношеніяхъ съ иностранцами и получившіе кое-какое весьма поверхностное образованіе, менѣе другихъ стѣснялись этимъ страхомъ, и были довольно склонны увлечься соблазномъ тайныхъ наукъ. Николай Нѣмчинъ, какъ толкователь астрологіи, имѣлъ вліяніе въ средѣ такихъ людей. Одинъ изъ образованнѣйшихъ бояръ того времени, Феодоръ Карповъ, увлекался мнѣніями нѣмца врача; но, обратившись за совѣтомъ къ Максиму, получилъ отъ него посланіе, въ коемъ Максимъ отзывался объ астрологіи, какъ о наукѣ ложной, колеблющей вѣру въ Божественный промыслъ. Въ нѣсколькихъ статьяхъ онъ касался этого предмета, возбуждавшаго много толковъ.

Максиму пришлось вести сильную борьбу противъ всякаго рода суевѣрій: противъ вѣры въ сны, гаданія, противъ всевозможныхъ примѣтъ и т. п. Строгому разбору ученаго Грека подверглись и отреченныя или апокрифическія книги, которыя были занесены къ намъ преимущественно изъ Болгаріи и имѣли сильное вліяніе на умъ

ственное развитіе древняго Русскаго общества. Эти книги большею частію были составлены еретиками; но такъ какъ касались предметовъ священныхъ, то почитались у насъ за книги божественныя. Изъ нихъ, кромѣ ложныхъ сказаній о Христѣ, Богородицѣ и Святыхъ и разныхъ молитвъ, заимствовались разные заговоры противъ недуговъ, разныя свѣдѣнія въ родѣ того, что солнце не заходитъ во всю святую седмицу, которая потому и считается однимъ великимъ днемъ; что ради погребенія утопленника или убитаго бываютъ стужи, и т. п. Издавна наши святители предостерегали православныхъ противъ отреченныхъ книгъ: запрещали читать ихъ, грозили церковнымъ отлученіемъ тому, кто станетъ употреблять „живые каноны и молитвы отъ трясавицы“; но это мало помогало, такъ какъ люди, сравнительно даже образованные, не знали твердо, какія книги слѣдуетъ считать за писанія священные и какія за апокрифическія сказанія. Такимъ образомъ и при живомъ чувствѣ вѣры не знали ясно, чему слѣдуетъ вѣровать—и разныя повѣрія, иногда вовсе чуждыя христіанскому ученію, для многихъ замѣнили вѣру, заслоняя собою святую истину. Но эти повѣрія были дороги тѣмъ, которые съ ними свыклись; и потому многіе вознегодовали, когда Максимъ, разобравъ критически отреченныя книги, сталъ доказывать, что онѣ не согласны съ священнымъ писаніемъ, что онѣ не писаны тѣми лицами, подъ именами коихъ слывуть, и что онѣ сообщаютъ свѣдѣнія ложныя. Многимъ казалось, что онъ посягаетъ на самую святую вѣру, когда онъ обличалъ предразсудки и суевѣрія, заслонявшіе ее.

Съ такимъ же чувствомъ недовѣрія отнеслись и къ исправленію книгъ. Инокъ Максимъ долженъ былъ испытать тяжелую участь, часто постигавшую тѣхъ, которые, стоя выше современнаго общества, стараются просвѣтить и преобразовать это общество. Между тѣмъ какъ лучшіе люди того времени высоко цѣнили труды ученаго Грека, съ благодарностію внимали его наставленіямъ и многіе изъ нихъ за счастье считали называться его учениками,—

въ другой части общества слышался уже ропоть, выражались сомнѣнія. „Можно ли, говорили многіе, исправлять книги, по которымъ столько святыхъ мужей угодили Господу? Максимъ не исправляетъ, а портитъ святыхъ книги и наноситъ великую обиду Русскимъ чудотворцамъ“.

Смѣлыя обличенія Максима усиливали негодованіе противъ него. Во многихъ статьяхъ своихъ онъ горячо укорялъ слушателей за незнаніе и несоблюденіе хрістіанскаго закона; за суевѣріе, замѣняющее вѣру; за исполненіе одного внѣшняго обряда, не освященнаго внутреннимъ душевнымъ подвигомъ; за всѣ пороки, которые жили во многихъ рядомъ съ наружною набожностію. Онъ убѣждалъ православныхъ не полагать себѣ спасеніе лишь въ точномъ исполненіи внѣшнихъ постановленій Церкви, въ воздержаніи отъ мяса и рыбы во время поста, въ частыхъ поклонахъ, но стараться всѣми силами души воспринять законъ Божій, угождать Ему милосердіемъ, покаяніемъ, чистотою жизни; онъ говорилъ, что люди только прогнѣвляють Господа, предлагая „доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ, многоцѣнное иконъ украшеніе, а не милуя нищихъ и сирыхъ, не отставая отъ зла и порока; таковымъ Господь скажетъ, говорилъ Максимъ: „вы книгу Моихъ словесъ внутрьуду и внѣуду обильно украшаете серебромъ и златомъ; силу же писанныхъ въ ней словесъ не пріемлете и не исполняете“. Въ одной статьѣ своей: *„Слово отъ лица Богородицы къ лихоимцамъ и всякой злобы исполненнымъ и канонами великими угождать члочимъ“*, онъ отъ лица Богородицы говоритъ хрістіанину: „Твое частое: „радуйся“, будетъ пріятно мнѣ, когда отстанешь отъ злобы, лжи, разврата, хищенія чужого достоянія; а пока ты угнетаешь убогихъ, удручая ихъ поборами и ростами, ты ничѣмъ не отличаешься отъ язычника и хрістобубайцы, хотя и хвалишься крещеніемъ. Я не внемлю тебѣ, какъ ни пой безчисленные каноны и стихиры краснымъ голосомъ и высокимъ воплемъ“.

Въ подобныхъ словахъ многіе готовы были видѣть если не прямо ересь, то по крайней мѣрѣ неуваженіе къ

святымъ обычаямъ. Къ этому присоединялось иногда и личное неудовольствіе. Когда смѣлый обличитель зла указывалъ на жестокость и несправедливость сильныхъ въ отношеніи подчиненныхъ, на неправду и продажность въ судахъ, на равнодушіе духовенства къ общественной нравственности и иные недостатки; то не мало лицъ чувствовало себя задѣтыми его укорами и раздражалось противъ него. Довольно долго эти враги Максима негодовали на него втайнѣ, ибо онъ имѣлъ много друзей и сильныхъ покровителей: митрополитъ Варлаамъ былъ къ нему постоянно благосклоненъ; Великій Князь любилъ бесѣдовать съ нимъ. Максимъ имѣлъ къ нему свободный доступъ и часто ходатайствовалъ предъ нимъ за несчастныхъ и осужденныхъ.

Но пришло время, когда Максимъ утратилъ своихъ сильныхъ покровителей. Великій Князь не очень любилъ выраженіе свободаго мнѣнія, когда оно порицало его дѣйствія; и это испыталъ на себѣ достойный митрополитъ Варлаамъ по слѣдующему случаю. Князь Шемякинъ поступилъ изъ подданства Литвы на службу къ Великому Князю Московскому. Онъ служилъ вѣрно, но имя его внушало подозрѣніе. Василій вызвалъ его въ Москву, обѣщавъ безопасность, а когда Шемякинъ прибылъ, то его заключили въ темницу. Троицкій игумень Порфирій и митрополитъ выразили великому князю негодованіе за такое вѣроломство. Когда вскорѣ по заточеніи Шемякина великій князь прибылъ въ Троицкую обитель, то игумень встрѣтилъ его словами: „Если ты, князь, пріѣхалъ въ храмъ Пресвятой Троицы съ тѣмъ, чтобы испросить себѣ прощеніе грѣховъ, то будь напередъ самъ милосердъ къ гонимымъ несправедливо“. Василій въ гнѣвѣ изгналъ Порфирія, который удалился въ Бѣлозерскую обитель. Такое же хрістіанское мужество явилъ и митрополитъ. Бывъ свидѣтелемъ и порукою при крестоцѣловальной грамотѣ Шемякина, онъ строго укорилъ великаго князя за вѣроломство и отдалъ ему посохъ свой. Князь велѣлъ ему удалиться въ Спасо-Каменный монастырь, а мѣсто

его занялъ Даниль, ученикъ Іосифа Волоколамскаго, бывшій семь лѣтъ игуменомъ Волоколамской обители послѣ Іосифа. Даниль, угождая во всемъ великому князю, приобрѣлъ вскорѣ великую силу.

Съ самаго начала Даниль обнаружилъ нерасположеніе къ Максиму, вслѣдствіе участія его въ спорѣ о монастырскихъ имуществахъ. Были къ тому и другія причины. Извѣстно было, что Максимъ считалъ поставленіе Данила въ митрополита, безъ сношенія съ Греческимъ Патріархомъ, незаконнымъ; также онъ признавалъ незаконнымъ обязательное включеніе въ архіерейскую присягу того, чтобы никого не принимать изъ рукоположенныхъ Константинопольскимъ Патріархомъ въ священный санъ. Эти нововведенія дѣйствительно смущали ревнителя прежняго единства Русской Церкви съ Греческою, а потому онъ старался опровергнуть появившуюся въ то время на Руси ложную мысль, будто самыя святыя мѣста Востока осквернились отъ долговременнаго пребыванія „въ области безбожныхъ Турокъ поганаго царя“, и что поэтому не должно принимать рукоположенія отъ Патріарха Константинопольской Церкви, какъ и отъ Латинской, и не допускать въ свою церковь рукоположенныхъ ими. На вопросъ Максима, почему новый митрополитъ поставленъ безъ сношенія съ Греческимъ Патріархомъ, ему отвѣчали, что на это есть въ Москвѣ благословенная грамота отъ Константинопольскаго Патріарха, которою дозволяется Русскимъ Митрополитамъ ставиться своими Епископами. Однако, при всемъ тщательномъ розыскѣ, такой грамоты не оказалось.

Понятно, что подобные вопросы и сомнѣнія не нравились Данилу. Къ окончательному же неудовольствію его противъ Максима послужило слѣдующее обстоятельство: новому митрополиту вздумалось перевести съ Греческаго на Русскій языкъ Церковную Исторію блаженнаго Θεодорита, и онъ хотѣлъ поручить Максиму заняться этимъ дѣломъ; но Максимъ отклонилъ это, говоря, что въ этой книгѣ находится много еретическихъ актовъ, которые

могутъ принести вредъ простому народу. Митрополитъ очень огорчился такимъ отказомъ, принявъ это за неповиновеніе ему. Такимъ образомъ, негодованіе противъ Максима росло; но онъ не смущался этимъ, а продолжалъ дѣйствовать въ принятомъ имъ направленіи, обличая пороки и нравственные недуги, какіе онъ замѣчалъ въ современномъ ему обществѣ. Особенно настойчиво доказывалъ онъ вредъ, происходящій отъ владѣнія монастырей населенными имѣніями.

Издавна люди набожные отличались у насъ щедростію къ монастырямъ: дарили имъ при жизни земли, угодія, или отказывали ихъ по завѣщанію на поминъ души. Съ теченіемъ времени монастырскія имущества сдѣлались весьма значительны. Но въ то же время среди самаго монашества высказывалось мнѣніе, что не слѣдовало бы монастырямъ владѣть селами, потому что заботы объ имуществѣ и управленіе имъ отвлекаетъ иноковъ отъ духовной жизни. Такое мнѣніе высказалъ еще митрополитъ Кипріанъ; Кириллъ Бѣлозерскій отказался принять въ даръ село, говоря, что владѣніе вотчинами не полезно инокамъ. Въ послѣднее время такой взглядъ сталъ выражаться все чаще и чаще.

Въ 1503 году вопросъ о монастырскихъ имуществахъ былъ представленъ обсужденію Собора. Іоаннъ III велѣлъ отъ своего имени предложить Собору вопросъ: прилично ли духовенству, а въ особенности инокамъ, владѣть селами? Преподобный Ниль Сорскій тотчасъ же отвѣтилъ отрицательно. Паисій Ярославовъ и нѣкоторые иноки Бѣлозерскихъ обителей были того же мнѣнія, „ибо, пишетъ современникъ, твердо помня отеческія наставленія о нестяжательности, необходимой для черноризца, они скорбѣли о томъ, что монастыри владѣютъ селами, что напрасно произносится отреченіе отъ міра монахами, когда они, какъ міряне, волнуются и ссорятся, ходятъ по судамъ, ведутъ тяжбы“.—Іосифъ Волоколамскій былъ противоположнаго мнѣнія: онъ считалъ, что монастыри должны быть обезпечены и богаты, дабы имѣть средства къ щед-

рой благотворительности (которую онъ въ своемъ монастырѣ дѣйствительно и оказывалъ), и готовить будущихъ пастырей Церкви. Поднялись горячія пренія, и въ заключеніе митрополитъ Симонъ отъ имени Собора отвѣчалъ Великому Князю: „отъ равноапостольнаго князя Владиміра и до позднѣйшихъ временъ вездѣ Святители и монастыри держали грады и села; никакіе Соборы этого не запрещали; даже нечестивые цари Ордынскіе, боясь Бога, щадили собственность духовенства. Итакъ, не дерзаемъ и не благоволимъ отдать церковное стяжаніе, ибо оно есть Божіе и неприкосновенно“.

Какого бы мнѣнія ни держался каждый членъ Собора лично, но въ общемъ Соборъ, конечно, не могъ дать согласія на отнятіе имущества, принадлежащаго Церкви. Великій Князь не настаивалъ, и вскорѣ затѣмъ скончался. Для cadaго дѣйствія, predeterminedнаго въ судьбахъ Божіихъ, избираются Промысломъ соотвѣтствующія орудія: Іоаннъ III, по своему благочестію, несмотря на признанное несоотвѣтствіе для монастырей владѣнія вотчинами, не могъ рѣшиться на отнятіе ихъ, особенно вопреки мнѣнію Собора.

Какъ бы то ни было, но поднятый вопросъ не замолкъ, и возбудилъ горячія пренія. Главными представителями двухъ противоположныхъ направленій по этому вопросу были двѣ замѣчательныя личности, обѣ причисленныя впоследствии къ лику святыхъ: это—преподобный Ниль Сорскій и преп. Іосифъ Волоколамскій. Изъ нихъ первый видѣлъ въ иночествѣ лишь жизнь сокровенную во Христѣ, и посвященную молитвѣ и внутреннему дѣланію души. Пр. Ниль обращалъ мало вниманія на внѣшнюю сторону монашеской жизни, не требовалъ ни строгаго поста, ни многочисленныхъ поклоновъ; онъ даже выражалъ мысль, что чрезмѣрные подвиги могутъ сдѣлаться опасными, питая внутренняго фарисея и внушая подвижнику мысль о заслугѣ предъ Богомъ. Но за то онъ требовалъ, чтобы подвижникъ строго слѣдилъ за помыслами и внутренними движеніями души, наблюдая, чтобы умъ и воля направ-

лялись по заповѣдямъ Евангельскимъ, — чтобы заповѣди эти прежде исполнялись внутренно, ибо только въ такомъ случаѣ онѣ будутъ безпрепятственно и непогрѣшительно исполняться и внѣшними дѣйствіями. А если кто не направляетъ себя внутренно по заповѣдямъ, тотъ не можетъ исполнить ихъ и внѣшнимъ своимъ поведеніемъ. Также училъ онъ и о молитвѣ, требуя главнымъ образомъ внутренней молитвы. „Умная молитва, пишетъ онъ, выше внѣшней. Кто молится только устами, а объ умѣ небрежетъ, тотъ молится на воздухъ; ибо Богъ внимаетъ уму. Упражненіе во внутренней молитвѣ доводитъ чело-вѣка до высшаго духовнаго совершенства... Если не можешь молиться безъ помысловъ, а даже видишь ихъ умножающимися, не малодушествуй, а пребывай постоянно въ молитвѣ“. На Соборахъ Пр. Нилъ требовалъ нестяжательности иноковъ и милосердія къ кающимся еретикамъ.

Нѣсколько иначе смотрѣлъ на монашество Препод. Іосифъ Волоколамскій. Въ то время, какъ Пр. Нилъ, видя въ инокѣ лицо, совершенно отрекшееся отъ міра, не желалъ даже, чтобы иноки принимали церковныя должности, — Іосифъ видѣлъ въ монашествѣ силу, которая должна вліять на міръ, воспитывая въ стѣнахъ монастыря будущихъ дѣятелей для внѣшней церковной дѣятельности: мудрыхъ наставниковъ, пастырей Церкви и т. п. Строгій къ еретикамъ, строгій къ самому себѣ, — Іосифъ скорбѣлъ объ ослабленіи монашеской жизни и считалъ необходимымъ подчиненіе иноковъ болѣе строгому уставу и употребленіе болѣе строгихъ мѣръ противъ нарушителей онаго. Поученія Іосифа хотя и не касаются такъ глубоко внутренней жизни, весьма однако назидательны. Князья и вельможи обращались за наставленіями къ нему, и онъ устно и письменно увѣщавалъ ихъ быть справедливыми къ подданнымъ, милосердыми къ бѣднымъ, не удручать рабовъ своихъ чрезмѣрными трудами, заботиться объ ихъ благосостояніи. Милосердіе и щедрость къ нуждающимся были правиломъ въ обители Іосифовой; она всегда была

отверста для бѣдныхъ; алчущихъ она кормила, покоила странниковъ и больныхъ, для чего былъ построенъ при монастырѣ страннопріимный домъ. Во время случившагося голода, Волоколамская обитель кормила ежедневно до 700 бѣдныхъ, снабжая поселянъ сѣменами и всѣмъ, въ чемъ они нуждались. Всѣхъ, приходившихъ за помощію, Іосифъ принималъ радушно. Щедрая благотворительность требовала значительныхъ средствъ,—и обитель Іосифова нескудно получала ихъ отъ доброхотныхъ дателей. Расходясь съ Пр. Ниломъ во взглядахъ и на монашество и на способъ дѣйствія противъ еретиковъ, Іосифъ однако вовсе не расходился съ нимъ въ ревности служенія Богу, хотя оба шли къ сему разными путями.

Возрѣнія Пр. Нила особенно развились въ обителяхъ Бѣлозерскихъ и Вологодскихъ, и вообще такъ называемыхъ Заволжскихъ; ученики же Пр. Іосифа въ обители Волоколамской твердо держались его правилъ. Съ кончиною Пр. Нила споръ о церковныхъ имуществвахъ усилился, когда главнымъ противникомъ Іосифа Волоколамскаго выступилъ инокъ Вассіанъ Косой.

Вассіанъ, въ міру Василій, былъ сынъ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева-Косова, родственника великаго князя Іоанна III и перваго боярина двора его. По случаю опалы, постигшей Патрикѣевыхъ, Василій Патрикѣевъ принялъ иночество въ Кирилло-Бѣлозерской обители съ именемъ Вассіана. Славный въ міру воинскою доблестію, умомъ и способностями, князь-инокъ скоро прославился и въ монастырѣ строгою жизнію и обширною начитанностію. Онъ глубоко изучалъ творенія Отцовъ Церкви, слушалъ наставленія Пр. Нила, сталъ вполнѣ раздѣлять его мнѣнія касательно иночества и въ своихъ статьяхъ сильно нападалъ на Іосифа Волоколамскаго. Этотъ споръ былъ еще въ полномъ разгарѣ, когда Максимъ прибылъ въ Москву. Здѣсь онъ очень скоро сблизился съ Вассіаномъ, какъ человѣкомъ, болѣе другихъ начитаннымъ, и Вассіанъ сдѣлался горячимъ приверженцемъ Максима, въ которомъ онъ нашелъ себѣ наставника и руководителя. Они имѣли

одинаковый взглядъ почти на всѣ вопросы церковной жизни, между прочимъ и на монашество.

Въ своихъ статьяхъ объ извѣстномъ иноческомъ жителствѣ Максимъ крѣпко осуждаетъ владѣніе вотчинами и сильно нападаетъ на современное ему монашество за то, что нѣкоторые изъ нихъ давали крестьянамъ въ долгъ деньги съ большими процентами, а потомъ, когда они не въ состояніи были уплатить долга или процентовъ, поступали съ ними жестоко, и вообще обременяли крестьянъ непомѣрными работами. Въ этомъ смыслѣ написана имъ статья въ видѣ бесѣды между Акимономъ и Филоктимономъ (нестяжателемъ и любостяжателемъ). Весьма вѣроятно, что было преувеличеніе въ словахъ Максима и Вассіана, когда они описывали роскошную жизнь монаховъ и крайнюю скудость крестьянъ, трудившихся на нихъ. По нѣкоторымъ даннымъ съ достовѣрностію можно заключить, что ими было допущено обобщеніе единичныхъ исключительныхъ случаевъ, всегда возможныхъ во всякомъ обществѣ, и что эти случаи выставлялись ими за общій недугъ, какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Максимъ не такъ давно прибывшій въ Россію, зналъ лучше монастыри Запада, чѣмъ наши; онъ даже выставлялъ Русскому монашеству въ образецъ Западныя монастыри, въ которыхъ, по его словамъ, строго хранилось полное нестяжаніе. Между тѣмъ извѣстно, что въ Италіи въ это время шелъ горячій споръ по поводу громадныхъ монастырскихъ имуществъ, и партія преобразователей церковной жизни на Западѣ сильно нападала на изнѣженную, роскошную жизнь монастырскихъ и церковныхъ властей. Съ другой стороны въ Россіи не всѣ монастыри злоупотребляли своими имуществами или притѣсняли крестьянъ. Большинство ихъ употребляло свои средства на благотворительность и помогали крестьянамъ въ ихъ нуждахъ. Доказательствомъ сему служить самый Волоколамскій монастырь, настоятель котораго, Пр. Іосифъ, былъ главнымъ защитникомъ сохраненія за монастырями населенныхъ имуществъ. Не мало, конечно, было и другихъ подобныхъ

монастырей; вообще игумены и иноки того времени большею частію жили просто и даже бѣдно. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ состояніе иноковъ того времени современникъ, Зиновій Отенскій, указывая при томъ съ укоромъ на Вассіана, который въ это время жилъ въ Симоновѣ на иждивеніи Великаго Князя.

„Плакать мнѣ хочется отъ жалости сердечной, когда вспомню, какъ живутъ эти иноки, которыхъ осуждаютъ за владѣніе селами: кожа на рукахъ у нихъ растрескалась отъ работы, руки и ноги опухли, лица осунулись; сборщики податей истязуютъ ихъ; денегъ у нихъ столько, что у нищаго ихъ болѣе; пища ихъ—хлѣбъ овсяный не вѣянный; колосья ржаные толченые; горячая пища изъ капустнаго листа; овощи—свекла да рѣпа; сладкое—рябина да калина“...

Споръ все ожесточался; усиливались ропотъ и негодованіе на Максима. Его нападки на иноковъ-собственниковъ казались хулою на Русскихъ Святыхъ, владѣвшихъ селами,—точно такъ, какъ исправленіе книгъ считалось обидою Святымъ, которые по нимъ угодили Богу. Самъ митрополитъ Даниилъ былъ въ числѣ недовольныхъ Максимомъ, смотрѣлъ на исправленіе книгъ съ недовѣріемъ. Наконецъ одно обстоятельство лишило Максима и Вассіана милости Великаго Князя, который доселѣ покровительствовалъ имъ.

Не имѣя дѣтей отъ двадцатилѣтняго брака своего съ добродѣтельною Соломоніей, великій князь задумалъ развестись съ нею и вступить въ новое супружество. Онъ совѣтовался съ митрополитомъ, представляя въ оправданіе своего намѣренія, что, за неимѣніемъ наслѣдника престола, государство по смерти его можетъ подвергнуться опасности безначалія. Даниилъ согласился съ нимъ, и добродѣтельную Соломонію насильно постригли въ Московскомъ Рождественскомъ монастырѣ, послѣ чего ее отвезли въ Суздаль и заключили въ женскомъ Покровскомъ монастырѣ; а великій князь, съ благословенія митрополита, въ 1524 году, вступилъ въ бракъ съ Еленою

Глинскою, дочерью знатнаго Литовскаго выходца. Такое нарушеніе церковнаго закона возбудило негодованіе, которое громко высказывалось многими: осуждали и великаго князя и митрополита. Василій сталъ строго преслѣдовать тѣхъ, кто дерзалъ поднимать голосъ противъ него. Въ числѣ осуждавшихъ это незаконное дѣйствіе великаго князя были Максимъ Грекъ и другъ его старецъ Вассіанъ. Движимый ревностію, преподобный Максимъ написалъ великому князю наставленіе, въ которомъ убѣждалъ его не покоряться плотскимъ страстямъ. „Того почитай истиннымъ Самодержцемъ, о Благовѣрнѣйшій Царь, писалъ онъ, кто управляетъ подданными по правдѣ и по закону, а безсловесныя похоти своей души старается преодолѣть въ себѣ. Кто же побѣждается ими, тотъ не есть одушевленный образъ Небеснаго Владыки, а только человѣкообразное подобіе безсловеснаго естества“.

Понятно, что такое смѣлое писаніе не могло понравиться великому князю, который вообще не любилъ противорѣчій себѣ, и вотъ, вмѣсто прежней милости, на Максима обрушился гнѣвъ его. Теперь враги Максима, давно ожидавшіе этого случая, могли дѣйствовать смѣлѣе. Посыпались на него жалобы и обвиненія: стали надзирать за нимъ и замѣтили, что люди опальные, недовольные великимъ княземъ, часто посѣщаютъ его; говорили, что онъ сочувственно вникаетъ ихъ сѣтованіямъ, самъ порицаетъ великаго князя и митрополита,—что онъ съ опальными разсуждаетъ о государственныхъ дѣлахъ, выдается съ посломъ Турецкимъ, Грекомъ Скиндеромъ, и хочетъ поднять Турокъ на Русскую землю. Всѣ эти обвиненія, очевидно, были бездоказательны. Изъ частныхъ посѣтителей Максима правительству были въ особенности подозрительны знатный бояринъ Берсень-Беклемишевъ, человѣкъ образованный, справлявшій посольскія дѣла, и дьякъ Федоръ Жареный. Ихъ схватили и подвергли допросу.

Изъ допроса оказалось, что дѣйствительно Берсень сѣтовалъ на великаго князя, отнявшаго у него домъ, и порицалъ его дѣйствія и образъ правленія. Въ его сло-

вахъ выражалось неудовольствіе всей партіи старыхъ бояръ, въ бывшее время принимавшихъ участіе въ дѣлахъ государства, но устраненныхъ теперь при окрѣпшемъ самодержавіи. „Государь ни съ кѣмъ не совѣтуется, говорилъ Берсень,—все рѣшаетъ самъ; сердится, когда ему противорѣчатъ, а отецъ его Іоаннъ любилъ, чтобы ему свободно говорили правду. Все нестроеніе наше пришло отъ матери великаго князя, отъ царевны Софіи.—А митрополитъ! Знаемъ ли мы, что у насъ есть митрополитъ? Прежніе митрополиты печаловались объ угнетенныхъ; а нынѣшній не печалуется ни о комъ, и слова учительнаго отъ него не услышишь. Всѣ старые обычаи пошатнулись; а ты, господинъ Максимъ, самъ знаешь, да и отъ людей разумныхъ мы слышали, что, которая земля представляетъ обычаи свои, та земля не долго стоитъ“.

На эти послѣднія слова Максимъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, господинъ; которая земля заповѣди Божіи преступаетъ, та отъ Бога пріемлетъ наказаніе; а обычаи царскіе и земскіе государи перемѣняютъ, какъ лучше государству“. Впрочемъ и Максимъ жаловался, что князь не отпускаетъ его обратно на Аѳонъ, хотя онъ много разъ просилъ о томъ.—„И не отпускаютъ тебя, замѣтилъ на это Берсень; ты человѣкъ разумный, долго жилъ у насъ; узналъ наше доброе и лихое; и когда уѣдешь изъ Россіи, можешь все рассказать, потому и не видать тебѣ родины“.

Теперь эти слова разбирали и обсуждали лица враждебныя Максиму. Однако на сей разъ не могли взвести на него важнаго обвиненія; но всетаки стали держать его въ заточеніи въ Симоновѣ; Берсеня же казнили.

Прошло немного мѣсяцевъ, и опять призвали Максима къ допросу, уже прямо по книжному дѣлу. Для этого былъ созванъ соборъ въ царскихъ палатахъ, и въ присутствіи великаго князя и братьевъ его, митрополита съ духовенствомъ, князей, бояръ и воеводъ. Максима обвиняли въ порчѣ книгъ, указывали на погрѣшности въ его переводахъ. Были дѣйствительно погрѣшности, происшедшія, очевидно, отъ плохого знанія Русскаго языка; но

имъ придали значеніе умышленной ереси,—обвиняли его, между прочимъ, и за то, что онъ въ Тріоди будто бы умышленно искажилъ смыслъ Священнаго Писанія, и то, что въ Писаніи говорится въ непреходящемъ времени, онъ перевелъ въ прошедшемъ. Такъ, выраженіе о Сынѣ Божіемъ: „*съде одесную Бога*“, замѣнилъ выраженіемъ: „*сдѣлъ еси*“; также, что воскресшую плоть Христову наименовалъ описуемою.

Максимъ указывалъ на грамматическое значеніе приведенныхъ словъ, которыя значились въ прошедшемъ времени; но его не хотѣли слушать, и осудили какъ еретика. Максимъ со смиреніемъ просилъ прощенія въ этой независимой отъ него ошибкѣ, ссылаясь на то, что въ то время онъ не былъ еще хорошо ознакомленъ съ церковнославянскимъ языкомъ, и свою мысль передавалъ Русскимъ переводчикамъ на Латинскомъ языкѣ. Что же касается слова „описуемою“, старался оправдать себя доказательствомъ изъ Священнаго Писанія; но при общемъ шумѣ и говорѣ, на его оправданіе не было обращено вниманія. Блаженный Максимъ три раза повергался на землю предъ Соборомъ, умоляя о помилованіи ради милости Божіей и ради немощей человѣческихъ,—со слезами просилъ простить ему ошибки, если онѣ были допущены имъ въ книгахъ; но все было напрасно: затронутое самолюбіе требовало мести, и его осудили какъ еретика, и какъ нераскаяннаго грѣшника отлучили отъ приобщенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ и хожденія въ церковь. Его тайно вывели изъ Москвы въ Волоколамскій монастырь, гдѣ игумену и старцамъ было приказано не допускать къ нему никого изъ постороннихъ. Игуменомъ въ то время былъ Нифонтъ, ученикъ митрополита Даніила, человѣкъ, чуждый правилъ человѣколюбія и милосердія, который въ угоду митрополиту всячески оскорблялъ и тѣснилъ узника.

Шесть лѣтъ провелъ Преподобный Максимъ въ Волоколамской обители, въ тѣсной неволѣ, среди враждебныхъ ему иноковъ, въ сырой и тѣсной келліи, гдѣ онъ терпѣлъ и голодъ, и холодъ, и смрадъ, и угаръ,—лишенный за-

Явлення ангела преподобному Максиму. (Стр. 35).

„Терпи, старець: етими временными страданіями ты избавишься вѣчныхъ мученій“.

нятій, ибо отняли у него книги и запретили ему писать. Отъ тяжкихъ страданій онъ часто изнемогалъ, и былъ какъ мертвый. Лишенный отрады Св. Таинъ и всякихъ занятій, узникъ утѣшался одною молитвою. И Господь не оставилъ безъ утѣшенія своего страдальца: ему въ заключеніи явился Ангель Господень, который укрѣпилъ его въ терпѣніи, сказавъ: „Терпи, старецъ: этими временными страданіями ты избавишься вѣчныхъ мученій“. Утѣшенный этимъ небеснымъ посѣщеніемъ, Максимъ отъ полноты всего сердца возблагодарилъ Господа, и воспѣлъ Утѣшителю Святому Духу—Параклиту канонъ, который нашли написаннымъ углемъ на стѣнѣ его келліи, и который начинается словами: „Иже манною препитавый Израиля въ пустыни древле“... Этими словами, очевидно, онъ прикровенно указалъ на то внутреннее благодатное утѣшеніе, которымъ, какъ манною, питало его небесное посѣщеніе. Второй стихъ канона начинается у него словами: „Съ безплотными Твоими слугами, смѣя, припѣваю Ти и азъ“... Здѣсь указаніе на явленіе ему безплотнаго слуги Господня. Этотъ канонъ принятъ для церковнаго употребленія, и въ нѣкоторыхъ обителяхъ читается въ день Сочествія Святаго Духа.

Въ 1531 году Максима опять призвали на Соборъ. Теперь и Вассіанъ былъ привлеченъ къ отвѣту и обвиненъ въ порчѣ книгъ, въ хулѣ на Русскихъ чудотворцевъ, въ вольнодумствѣ, въ рѣзкихъ отзывахъ о церковныхъ дѣлахъ и церковныхъ властяхъ. Вассіанъ давно занимался пересмотромъ Кормчей и составленіемъ полного сборника церковныхъ правилъ. На предлагаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ съ обычною ему рѣзкостію, высказывалъ свои мнѣнія свободно и осуждалъ нѣкоторыя дѣйствія церковныхъ властей, чѣмъ сильно возставилъ ихъ противъ себя. Особенно нерасположенъ былъ къ нему митрополитъ Данииль. Противъ Максима повторяли прежнія обвиненія и особенно указывали на сношенія его съ Турецкимъ посломъ, недавно умершимъ въ Москвѣ; обвиняли его въ томъ, что онъ будто отзывался съ неуваженіемъ о Рус-

ской Церкви; что будто, не одобряя ея независимости отъ Патріарха, онъ сказалъ: „Русскіе митрополиты и епископы, ставясь безъ благословенія Патріарха, ставятся безчинно“. Максимъ держалъ себя очень униженно, плакалъ, каляся, молилъ о прощеніи. Его перевели въ Тверской Отрочъ монастырь, не снявъ съ него церковнаго запрещенія. Васіанъ же былъ сосланъ во враждебный ему Іосифовъ монастырь, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ въ тѣсномъ заключеніи.

Пострадали и сотрудники Максима, Медоварцевъ и Силуанъ; одинъ былъ сосланъ въ Коломну, другой въ Соловецкую обитель; не тронули только Димитрія Герасимова.

Съ переводеніемъ Максима въ Отрочъ монастырь, положеніе его улучшилось тѣмъ, что онъ поступилъ подъ надзоръ добраго и сострадательнаго епископа Тверскаго Акакія, который принялъ его милостиво, обходился съ нимъ привѣтливо и часто приглашалъ къ своей трапезѣ. Здѣсь блаженный страдалецъ, кромѣ ласковости, имѣлъ не малое утѣшеніе и въ томъ, что ему дозволялось читать и писать книги. Онъ взялся за перо, и въ утѣшеніе и укрѣпленіе себя въ терпѣніи написалъ: „Не тужи, не скорби и не тоскуй, любезная душа, о томъ, что страдаешь безъ правды отъ руки тѣхъ, отъ которыхъ слѣдовало бы тебѣ принять всѣ блага, такъ какъ ты питала ихъ духовною трапезою, исполненною Святаго Духа, то есть толкованіемъ боговдохновенныхъ пѣснопѣній Давидовыхъ, которыя и перевелъ съ Греческаго на Русскій языкъ; а потому благодари твоего Владыку и прославляй Его, что сподобилъ тебя въ нынѣшнемъ житіи, временными скорбями, заплатить съ прибылью весь долгъ. И такъ внимай себѣ, да не помыслишь, что время сіе есть время сѣтованія; напротивъ, признавай, что это время божественной радости, да не пострадешь, окаянная, сугубою нищетою, мучимая за свою неблагодарность въ настоящемъ и въ будущемъ вѣкѣ. Если такъ вооружаешь себя всегда, радуйся и веселись, ибо награда твоя

многа на небесахъ, какъ объ этомъ говоритъ небесная Истина“.

Въ 1534 году Максимъ узналъ, что Великій Князь Василій Іоанновичъ скончался, и вздумалъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ, чтобы оправдать себя въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ. Онъ полагалъ, что со смертію прогнѣвавагося на него Государя, новое правительство обратитъ вниманіе на его долготѣнее заключеніе и, сжалившись, выпуститъ его на свободу. Чтобы болѣе расположить правителей судить праведно, онъ написалъ свое исповѣданіе, очищая себя отъ взведенныхъ на него клеветъ. „Поелику нѣкоторые, писалъ онъ, не знаю почему, не страшатся называть меня еретикомъ, человѣка совершенно невиннаго, и даже врагомъ и измѣнникомъ Россійскаго Государства, а потому считаю нужнымъ выяснить моимъ клеветникамъ, что я по милости Великаго Бога истинно вѣрую въ Спасителя моего Іисуса Христа, и твердо исповѣдую догматы святой Церкви. Хотя я и не обладаю высокимъ умомъ и не искусенъ въ разумѣніи божественныхъ писаній, однако посланъ сюда изъ Св. Горы великими преподобными отцами, вслѣдствіе прошенія благовѣрнаго Великаго Князя, отъ котораго въ теченіи девяти лѣтъ пользовался почестями и уваженіемъ. По его повелѣнію я перевелъ не только толкованіе Греческой псалтири, но и другія боговдохновенныя книги, которыя искажены несвѣдущими книжнаго дѣла переписчиками,—и все это мною, при помощи Святаго Духа, исправлено. Но не знаю, почему враждебно ко мнѣ расположенные утверждаютъ, будто я своимъ исправленіемъ только испортилъ книги. Напротивъ, совѣсть моя чиста, и я не буду за это отвѣчать предъ страшнымъ судищемъ Божиимъ, такъ какъ я старался со всякимъ вниманіемъ и страхомъ Божиимъ исправлять въ нихъ лишь только то, что испорчено неискусными переписчиками. При этомъ быть можетъ враги мои поставятъ въ вину мою то, что святые угодники Божіи, просіявшіе чудесами въ Россійскомъ Государствѣ, угодили Богу и

по неисправленнымъ книгамъ, чѣмъ какъ бы я нанесъ оскорбленіе великимъ Чудотворцамъ Русской Церкви. Но я на это укажу имъ на Апостола Павла, который говоритъ: *одному дается Духомъ слово премудрости, другому слово разума тѣмъ же Духомъ, иному же дарованіе исцѣлений о томъ же Духъ, другому же дѣйствія силъ; иному пророчества, иному различіе духовъ, иному же разные языки, а иному истолкованіе языковъ: все же сіе дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя властію каждому, какъ Ему угодно* (1 Кор. XII, 7—11). Изъ этого каждый долженъ видѣть, что не всякому даются вмѣстѣ всѣ дарованія духовныя. И я отъ всего сердца моего вѣрю, что святые Русскіе Чудотворцы, по дарованію, данному имъ свыше, возсіяли какъ свѣтила, озаряющія землю Русскую, и я ублажаю и поклоняюсь имъ, какъ Угодникамъ Божиимъ. Что же касается знанія языковъ и толкованія оныхъ, то этого они не приняли отъ всеблагой премудрости Святаго Духа. Поэтому не должно удивляться, если отъ столь святыхъ мужей утаилось исправленіе тѣхъ мѣстъ въ боговдохновенныхъ книгахъ, которыя мною исправлены, ибо имъ, ради Апостольскаго ихъ смиренномудрія, кротости и святости жизни, дано было дарованіе исцѣлений и чудесъ предивныхъ; другому же, хотя и грѣшенъ онъ паче всѣхъ человѣкъ, дарованы знаніе и толкованіе языковъ“.

„Богъ свидѣтель за меня, недостойнаго, предъ вами благовѣрными; пишу вамъ не по лицемѣрью, какъ будто хотѣлъ льстить вамъ, или желалъ получить отъ васъ облегченіе въ скорби временной, которая лежитъ на мнѣ уже 19 лѣтъ“.

Въ заключеніе своего посланія преподобный Максимъ умолялъ отпустить его на Аѳонскую Гору, въ его прежнюю обитель, представляя и то, что судъ надъ нимъ принадлежитъ не Русскимъ Епископамъ, а Вселенскому Патріарху. Но на голосъ страдальца не было обращено вниманія, такъ какъ крамольные бояре, управлявшіе Государствомъ во дни малолѣтства Іоанна IV, заняты были

своими интригами, и въ честолюбивыхъ замыслахъ губили другъ друга. Максимъ оставался въ Отрочемъ монастырѣ, но и здѣсь положеніе его измѣнилось къ худшему; онъ лишился расположенія благодушнаго Акакія, по слѣдующей причинѣ. Пожаръ, истребившій въ Твери великолѣпный храмъ, созданный Акакіемъ, подалъ поводъ Максиму высказать, по обыкновенію своему, правду о жителяхъ Твери и о ихъ пастырѣ. Это возбудило сильное негодованіе къ нему Акакія, который даже огласилъ его обвиненіе неправославнымъ.

Наконецъ приспѣло время и суда Божія надъ гонителями неповиннаго страдальца. Правительница Елена, спустя четыре года послѣ смерти мужа своего, умерла, какъ полагаютъ, отъ отравы. Вскорѣ за тѣмъ и Митрополитъ Даниилъ, такъ неудачно управлявшій десять лѣтъ Русскою Церковью, сосланъ въ заточеніе въ Волоколамскій монастырь. Здѣсь, упражняясь во внѣшнемъ подвижничествѣ, онъ внутренно продолжалъ питать прежнее нерасположеніе къ преподобному Максиму. Узнавъ объ этомъ и желая умиротворить совѣсть изгнаннаго Митрополита, незлобивый Максимъ письменно умолялъ его именемъ Отца Небеснаго, оставить вражду, и съ глубокимъ смиреніемъ говорилъ о своей невинности, объясняя, что обвиненіе въ ереси, которое не перестаютъ противъ него повторять, есть только дѣйствіе оскорбленнаго самолюбія, всегда жестокосердаго къ другимъ. Даниилъ и теперь не обратилъ вниманія на объясненіе и просьбу Максима и остался при прежнемъ своемъ нерасположеніи къ нему. Это обстоятельство еще разъ подтвердило превосходство внутренней добродѣтели предъ внѣшнимъ подвижничествомъ, о чемъ такъ настойчиво писалъ въ своихъ твореніяхъ Максимъ, чѣмъ наиболѣе и вызвалъ враждебное отношеніе къ себѣ приверженцевъ внѣшняго благочестія.

На мѣсто Даниила на кафедрѣ Московской Митрополіи былъ возведенъ въ 1539 году добродѣтельный Іоасафъ, игумень Троице-Сергіева монастыря, изъ рода дворянъ

Скрипицыныхъ. Ему Максимъ, какъ обвиняемый въ ереси и осужденный за нее, счелъ нужнымъ также представить отчетъ о непогрѣшимости своей въ вѣрѣ. Іоасафъ и ранѣе зналъ неповинность Максима; но, обуреваемый мятежными боярами, не могъ теперь предпринять ничего въ его пользу, а лишь утѣшилъ его посланіемъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „цѣлуемъ узы твои, какъ одинаго отъ святыхъ, но ничего не можемъ сдѣлать въ твое облегченіе“. Однако онъ разрѣшилъ Максиму причащеніе святыхъ Христовыхъ Таинъ и хожденіе въ церковь.

Что добродѣтельный Іоасафъ дѣйствительно не могъ ничего сдѣлать къ облегченію участи невиннаго страдальца,—явствуетъ изъ того, что самое разрѣшеніе отъ запрещенія враги Максима соглашались допустить не иначе, какъ лишь подъ предлогомъ его предсмертной болѣзни. Но Максимъ, гнушаясь примѣсью обмана къ столь святому дѣлу, не согласился на такое условіе, и онъ былъ разрѣшенъ Митрополитомъ и безъ этого условія.

Можно себѣ представить, съ какою радостію и съ какимъ глубокимъ чувствомъ умиленія приступилъ Преподобный, послѣ тринадцатилѣтняго отлученія, къ приобщенію пречистаго Тѣла и честныя Крови Господа нашего Іисуса Христа, хотя въ дѣйствительности и не былъ отъ Него отлученъ. Доказательствомъ его общенія со Христомъ служить то небесное посѣщеніе, котораго онъ сподобился въ своемъ заключеніи уже послѣ того, какъ былъ повидимому отлученъ отъ церкви. Отлученіе отъ Церкви, по мысли Святыхъ, тогда только дѣйствительно, когда оно бываетъ по правиламъ церковнымъ, за дѣйствительное преступленіе, за которое по канонамъ церковнымъ назначено отлученіе. Отлученіе же по зависти и ненависти человѣческой, скорѣе отлучаетъ самихъ отлучающихъ, какъ злоупотребляющихъ церковною властію и нарушающихъ Божественный законъ; для отлучаемаго же оно имѣетъ какъ разъ обратное значеніе, по сказанному въ Писаніи: *проклянутъ ти, и Ты благословиши* (Пс. 108, 28.).

Святитель Іоасафъ не долго пробылъ на митрополіи.

Онъ сдѣлался жертвою одной изъ тѣхъ смуть, которыя въ это время то и дѣло воздвигались крамольными боярами, стремившимися къ власти, въ виду малолѣтства Великаго Князя. Такъ послѣ смерти правительницы Елены, супруги Василия Іоанновича, власть захватили Шуйскіе. Но правленіе ихъ, жестокое и корыстное, на этотъ разъ было непродолжительно: черезъ два года Шуйскіе пали, и власть перешла въ руки князя Ивана Бѣльскаго и Митрополита Іоасафа. Настало болѣе отрадное время: казни прекратились, невинные узники выпускались на свободу, вездѣ водворялся порядокъ. Но это доброе правительство въ 1542 году было насильственно низвергнуто происками Шуйскихъ, стремленіе которыхъ къ власти не имѣло границъ. Собравъ нѣсколько сотъ мятежныхъ воиновъ, младшій Шуйскій въ ночь на 4-е Января 1542 года напалъ на Бѣльскаго, схватилъ его и отправилъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ онъ, по приказанію Шуйскихъ, и былъ задушенъ. Въ то же время мятежники окружили домъ Митрополита въ Чудовомъ монастырѣ, и стали бросать камнями въ окна. Встревоженный такимъ внезапнымъ нападеніемъ, старецъ-Святитель удалился во дворецъ Князя; но мятежники бросились за нимъ туда, разбудили и перепугали молодого Государя. Чтобы не подвергать его опасности, Митрополитъ направился на Троицкое подворье. Туда за нимъ ринулась и толпа, готовая растерзать его, и только слезная мольба игумена подворья спасла его отъ смерти. Его схватили и отправили въ тотъ же Кирилловъ монастырь, откуда, однако, черезъ нѣсколько времени ему дозволено было возвратиться въ обитель Преп. Сергія, гдѣ онъ и пробылъ до конца своей жизни.

Своеволіе и всякаго рода насилія бояръ-правителей въ это время не имѣло никакихъ границъ; даже рабы ихъ сдѣлались владыками Россіи и не менѣе господъ своихъ угнетали народъ. Не было ни суда, ни расправы, никто не былъ увѣренъ въ собственности и личной безопасности. Это горестное состояніе Россіи такъ описываетъ лѣтописецъ: „Тогда (т. е. по смерти Василия Іоанновича)

княземъ и боярамъ, и вельможамъ, и судіямъ градскимъ, самоволіемъ объятимъ, и въ безстрашіи живущимъ, и неправосудящимъ, но по мздѣ, и насильствующимъ людемъ и никогоже боящимся, понеже бо великій князь бѣ юнъ, и ниже страха имущимъ и небрегущимъ отъ сопостать російскія земли, тамо бо языцы поганіи хрістіанъ губяху и воеваху, здѣ же бояре и воеводы мздами и налогами и великими продажами хрістіанъ губяху. Такожде и обычные дворяне и дѣти боярскіе и рабы ихъ творяху, на господей своихъ зряще. Тогда же во градѣхъ и селѣхъ неправда умножися, и восхищенія и обиды, татбы и разбои умножиса, и буйства и грабленія многа“. Отъ такого безчеловѣчнаго правленія были „слезы и рыданіе, и вопль многъ по всей Русской землѣ“¹⁾.

Все это возбудило въ преподобномъ Максимѣ ревность, и онъ, пренебрегая всѣми, могущими произойти собственно для него опасностями, рѣшилъ изобразить аллегорически, искусною рукою, состояніе Русскаго Царства того времени, слѣдующею притчею: „Шелъ я по трудному и скорбному пути, и увидѣлъ жену, сидящую при пути съ поникшею головою, горько сѣтующую и неутѣшно плачущую, одѣтую въ черныя ризы, приличныя вдовамъ; вокругъ нея было множество звѣрей: львовъ, медвѣдей, волковъ, шакаловъ. Я ужаснулся при этой странной и нечаянной встрѣчѣ; однакожь дерзнулъ приступить къ женѣ съ вопросомъ: кто она, каково ея имя, и зачѣмъ она сидитъ при этомъ пути и плачетъ? Дивная та жена долго отказывалась отвѣчать на эти вопросы, потому что боялась, чтобы я, предавъ услышанное отъ нея писанію, не подвергся гоненію отъ тѣхъ, которые отвращаются отъ истины, что, по ея словамъ, причиняетъ конечную гибель челоуѣческимъ начальствамъ и властямъ. Наконецъ, уступивъ моимъ усерднымъ просьбамъ, она отвѣчала: „я, о странникъ, одна изъ благородныхъ и славныхъ дочерей Царя небеснаго; мое имя *Василія*, что значитъ *Царство*.

¹⁾ Никои. Лѣт. VII, 48.

Я получила это имя отъ Вышняго въ знакъ того, что владѣющіе мною должны служить крѣпостію и утвержде- ніемъ для своихъ подчиненныхъ, а не причиною пагубы и смятенія.—На вопросъ мой о причинѣ ея печали и сидѣнія при пустынномъ пути, она отвѣчала: „не говоря уже о многихъ другихъ моихъ безотрадныхъ скорбяхъ,— *правящіе нынѣ мною*, по великой своей жестокости, несколько не принимаютъ добрыхъ совѣтовъ доброжелатель- ствующихъ имъ, и по причинѣ непримѣрнаго развитія въ нихъ страстей, они сдѣлали меня никуда не годною, и обезчестили, а себя самихъ сдѣлали плѣнниками всѣхъ окружающихъ ихъ. Всѣ сластолюбцы и властолюбцы стараются *подчинить меня себѣ*; но весьма мало такихъ, которые бы дѣйствительно радѣли обо мнѣ и украшали бы меня,—которые бы достойно Отца моего и царскаго моего имени устраивали положеніе живущихъ на землѣ людей. Большая же часть подчиненныхъ мнѣ, побѣждаясь сере- бролюбіемъ и лихоимствомъ, мучать подручныхъ себѣ всякими истязаніями, денежными взысканіями, принуди- тельными работами по возведенію многоцѣнныхъ строеній, ни сколько не содѣйствующихъ имъ къ утвержденію дер- жавы, а служащія лишь для излишняго самоугожденія и для удовлетворенія желаніямъ развратной своей души... Дома ихъ—дома беззаконія, какъ устроенные посредст- вомъ несправедливости и насилій, и наполненные всегда всякимъ лихоимствомъ и безчиніемъ... Они (стоящіе у власти) всякими своими неправдами и лихоимствомъ и богомерзкими блуженіями, нарушаютъ благочестный покой царскій. Ноги ихъ скоры на пролитіе крови, по причинѣ неправеднаго ихъ гнѣва и звѣрской ярости... Они не внемлютъ ни священническому душеполезному ученію, ни совѣтамъ опытныхъ старцевъ, ни угрозамъ боговдохно- венныхъ писаній; ко всему этому они глухи, и какъ ас- пиды глухіе затыкаютъ себѣ уши, и предались лишь од- нимъ сатанинскимъ играмъ, всякому объяденію и пьян- ству, и поработились плотскимъ страстямъ. Поэтому они оставлены Богомъ и преданы во власть лукавыхъ

духовъ, и бѣсы управляютъ ими“... Поскорбѣвъ обо всемъ этомъ, я спросилъ благородную ту жену: что значать—этотъ пустынный путь и эти окружающіе тебя звѣри? Она отвѣчала: Этотъ пустынный путь есть образъ окаяннаго послѣдняго сего вѣка, какъ уже лишеннаго благовѣрныхъ и мудрыхъ царей, ревнителей Отца моего небеснаго“ ¹⁾).

Хотя всѣ эти бѣдствія Россіи и поражали глубокою скорбію душу преподобнаго Максима, но были и радостныя для его изнывшаго сердца дни. Такъ, въ 1541 году, по предстательству Царицы Небесной, Москва была обрадована неожиданнымъ бѣгствомъ изъ Россіи грозныхъ полчищъ Крымскаго Хана. Максимъ воспѣлъ благодарственную пѣснь Господу Иисусу за спасеніе Россіи; въ тоже время въ уединеніи своемъ онъ изливалъ скорбь объ участи грѣшной души за предѣлами гроба, переводя слово Святаго Кирилла объ исходѣ души.

Въ 1545 году Восточные Патріархи: Константинопольскій Діонисій и Александрійскій Іоакимъ, обратили вниманіе на долговременное томленіе въ Россіи страдальца правды ради, вступились за него и просили Царя Іоанна IV-го объ освобожденіи блаженнаго Максима. Особенно ходатайствовалъ за невиннаго страдальца Іоакимъ, который писалъ Іоанну: „Имѣемъ слово и малое прошеніе изглаголатъ царствію твоему и молимъ, да услышишь внятно; тутъ въ землѣ царства твоего обрѣтается нѣкій человѣкъ, инокъ отъ святой Горы Аѳонской, учитель православной вѣры, имя ему Максимъ; на него, по дѣйству дьявольскому и кознямъ злыхъ людей, крѣпко разгнѣвалось величайшее твое царствіе и ввергло его въ темницы и узы нерѣшимыя, и не можетъ ни туда ни сюда ходить и учить слову Божію, какъ даровалъ ему Богъ. Мы слышали о немъ и получили писаніе отъ многихъ великихъ людей, тамъ сущихъ, и отъ Святой Горы Аѳонской, что тотъ Максимъ, связанный, неправедно связанъ и пойманъ отъ царства и власти твоей. Не творятъ такъ православ-

¹⁾ Слово на князей Акад. 26, Синод. 28.

ные хрістіане надъ нищимъ, паче же надъ инокомъ, и наипаче цари, удостоенные великаго смысла и учиненные отъ Бога праведными судіями, чтобы имѣть дверь свою отверстою ко всѣмъ приходящимъ. Праведно заключать въ узы небоющихся тебя, озлобляющихъ, и вязать хотящихъ вамъ зла; но убогихъ, наипаче же учителя, каковъ тотъ убогій Максимъ, который наставлялъ, поучалъ и пользовалъ многихъ хрістіанъ въ царствіи твоёмъ и индѣ, не подобаетъ неправедно держать и силою оскорблять, ибо воздыханія убогихъ не погибнуть до конца, а наипаче иноковъ; неприлично царствію твоему давать вѣру всякому слову и всякому писанію, къ тебѣ приходящему, безъ разсмотрѣнія и испытанія; сего ради молимъ, когда увидишь посланіе наше, да освободишь вышеписаннаго инока Максима Святогорца и дашь ему всякую свободу идти куда пожелаетъ, наипаче же на свое постриженіе. Помоги и послѣши ему, сколько Богъ поможетъ на сердцѣ твоёмъ, по обычаю похвальнаго твоего царствія и не хотя посрамить насъ въ этомъ. Если послушаешь словесъ моихъ, будешь имѣть похвалу отъ Бога, а отъ насъ молитву и благословеніе. Никогда я не писалъ къ тебѣ доселѣ, не просилъ какого-либо утѣшенія отъ тебя, не оскорби же меня и въ этомъ и не заставь написать иное посланіе царствію твоему, вторичное моленіе, ибо не престану отъ такихъ прошеній, доколѣ не услышитъ меня великое твое царствіе и не даруетъ мнѣ сего человѣка ¹⁾).

Но должно быть мѣра терпѣнія страдальца, въ судьбахъ Промысла Божія, еще не исполнилась, и преподобному надлежало пребыть еще 6 лѣтъ въ заточеніи, ибо просьба Патріарховъ почему-то не была услышана. Вѣроятно подозрительный духъ того времени не могъ допустить этого по политическимъ соображеніямъ, какъ и ранѣе говорилъ объ этомъ преподобному Максиму думскій бояринъ Берсень.

Наконецъ, въ 1551 году, послѣ 25-ти лѣтняго заклю-

¹⁾ Истор. Акт. т. 1, стр. 339—341.

ченія, игумень Троице-Сергіева монастыря Артемій, другъ блаженнаго Максима, вмѣстѣ съ нѣкоторыми добродѣтельными боярами, упросилъ Царя освободить невиннаго страдальца изъ заточенія. Блаженный Максимъ былъ мирно принятъ въ Москвѣ и за тѣмъ съ честію вступилъ въ Сергіеву обитель. Но страдалецъ былъ уже изможденъ отъ тяжести оковъ и темничнаго заточенія, отъ внутреннихъ и внѣшнихъ скорбей и страданій, былъ слабъ ногами и всѣмъ тѣломъ; но духъ его былъ бодръ и вполне способенъ къ духовнымъ упражненіямъ.

Успокоившись послѣ столькихъ бурь и волненій въ обители Преподобнаго Сергія, Преподобный Максимъ, по просьбѣ ученика своего Нила, изъ рода князей Курлятевыхъ, занялся переводомъ псалтири съ Греческаго на Русскій языкъ.

Въ 1553 году, Царь Іоаннъ Васильевичъ, въ бытность свою въ обители Преподобнаго Сергія, посѣтилъ Святаго Старца въ его убогой келліи и, между прочимъ, высказалъ ему свое намѣреніе совершить путешествіе въ Кирилловъ монастырь, въ благодарность за исцѣленіе отъ болѣзни. Разсудительный старецъ сказалъ Государю искреннее слово, какое всегда привыкъ говорить, не взирая на лица: „Обѣтъ царствія твоего не согласуетъ времени ради того, что вдовы, сироты и матери избѣнныхъ подъ Казанью, еще проливаютъ слезы, ожидая скорой твоей помощи: собери ихъ подъ царственный кровъ твой, и тогда всѣ Святыя Божіи возрадуются о тебѣ и вознесутъ теплое моленіе о твоей Державѣ, понеже Богъ и Святыя Его не по мѣсту внемлютъ молитвамъ нашимъ, но по доброму произволенію нашего сердца“. Смиренно выслушалъ Царь искреннее слово многострадальнаго Старца, но не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія, почитая оное благочестивымъ. Тогда Святый сказалъ Князю Курбскому, одному изъ четырехъ боярѣ, сопутствовавшихъ Царю, слово пророческое, которое просилъ передать Державному: „если не послушаешь меня, совѣтующаго тебѣ по Богѣ, и презришь крови избѣнныхъ отъ поганныхъ, вѣдай, что

умреть сынъ твой новорожденный Димитрій“.—Но Іоаннъ не послушался, и пророчество Святаго сбылось.

Это еще болѣе расположило Царя къ Преподобному Максиму, не только какъ къ исповѣднику истины, но и какъ къ одаренному даромъ пророчества. На слѣдующій годъ въ Москвѣ собирався Соборъ по случаю возникшаго въ Русской Церкви новаго волненія отъ нѣкоего Матвѣя Башкина, который, будучи зараженъ ересью, подобною Кальвинской, отвергалъ догматическое ученіе православной Церкви и обряды христіанскаго богослуженія. Царь, имѣя теперь высокое понятіе о Максимѣ, приглашалъ его на Соборъ въ Москву для обличенія этой вновь появившейся ереси, которою Башкинъ заразился отъ западныхъ лжеучителей. Но Максимъ, по преклонности лѣтъ и разстроенному здоровью, не могъ уже предпринять этотъ трудъ, и отказался отъ поѣздки въ Москву. Тогда Царь написалъ ему посланіе, которымъ просилъ его прислать къ нему свой отзывъ о новомъ странномъ ученіи. „Да будетъ тебѣ вѣдомо, писалъ Царь, ради какой вины поднялись мы писать къ тебѣ сіе посланіе, ибо дошло до нашего слуха, что нѣкоторые еретики не исповѣдуютъ Сына Божія, равнаго Отцу, и Святое Тѣло Господа нашего Іисуса Христа и честную кровь Его ни во что вмѣняють, но какъ простой хлѣбъ и вино пріемлютъ, и Церковь отрицають и называютъ идолами изображенія Господа, Пречистой Его Матери и всѣхъ Святыхъ, и не пріемлютъ покаянія, ни отеческихъ преданій, возлагая гордость свою на седмь Вселенскихъ Соборовъ, и иныхъ поучають злочестію: сего ради содрогнулся я душою и вздохнулъ изъ глубины сердца, и не мало о томъ поболѣзновалъ, что такое злочестіе вошло въ землю нашу, въ нынѣшнее слабое время въ послѣдніе годы, и помыслилъ возложить печаль свою на Господа, да соберутся всѣ обрѣтающіеся подъ областію моею Епископы, Игумены и черноризцы, да исторгнутъ терніе изъ чистой пшеницы и будутъ споспѣшники святымъ седми Вселенскимъ Соборамъ. Изволилось мнѣ и по тебя послать, да будешь и ты поборни-

комъ православія, какъ первые Богоносные отцы, да примутъ и тебя небесныя обители, какъ и прежде подвижавшихся ревнителей благочестія, имена коихъ тебѣ извѣстны. И такъ явись имъ споспѣшникомъ и данный тебѣ отъ Бога талантъ умножь, и ко мнѣ пришли отповѣдь на нынѣшнее злодѣйство: слышали мы, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы для того за тобою послали, что считаемъ тебя съ Матвѣемъ. Но не буди того, чтобы вѣрнаго вчинять съ невѣрными; ты же отложи всякое сомнѣніе и, по данному тебѣ таланту, насъ писаніемъ не оставь въ отвѣтъ на сіе посланіе; прочее же миръ тебѣ о Христѣ. Аминь“.

И такъ, на самомъ закатѣ дней, отдана была наконецъ полная справедливость исповѣднику истины. Его отвѣтъ Государю о ереси Башкина, который безъ сомнѣнія былъ сдѣланъ, хотя, къ сожалѣнію, и не дошелъ до насъ, составляетъ послѣднее церковное дѣяніе сего великаго страдальца. Черезъ годъ послѣ того, 21 Января 1556 года, онъ скончался, проведя тридцать восемь лѣтъ въ трудахъ и страданіяхъ на пользу Русской Церкви. Древній сказатель о пришествіи Максима въ Москву свидѣтельствуешь, что по смерти Преподобнаго пробудилось къ нему общее уваженіе, и многіе стремились въ Лавру къ его священнымъ останкамъ, какъ бы къ святымъ мощамъ, называя его великимъ учителемъ и пророкомъ, а современникъ его князь Курбскій не иначе называетъ Максима Грека въ своихъ сочиненіяхъ, какъ святымъ и преподобнымъ; онъ первый написалъ „Сказаніе о Максимѣ“.

Преподобный Діонисій, Архимандритъ Троице-Сергіевскаго монастыря, самъ много потрудившійся въ исправленіи книжномъ и, подобно Максиму, пострадавшій за сіе, любилъ прочитывать въ келліи и въ церкви бесѣды на Евангелія и Апостольскія посланія. „Книга эта, сказано въ житіи Препод. Діонисія, была переведена въ его монастырѣ въ царствованіе Іоанна Васильевича, по благословенію св. митрополита Макарія, Селиваномъ, ученикомъ Максима Грека, и этотъ дивный философъ, Максимъ,

своею рукою всю ее исправилъ, также и толковый Апостоль, и другія многія посланія и чудесныя повѣсти онъ истолковалъ. Ранѣе, до сего святаго Діонисія, въ обители Сергія Чудотворца (головщикъ Логгинъ и уставщикъ Филаретъ) не любили книгъ Максима Грека, равно какъ и книгъ, переведенныхъ его ученикомъ, Селиваномъ, и ставили ихъ ни-во-что, и въ соборномъ храмѣ въ торжественные дни уставщики не позволяли ихъ читать. Преподобный же Діонисій, найдя въ церковномъ Уставѣ, что во многіе праздничные дни, въ особенности въ Четырнадцатую и Пятидесятую, положено читать... бесѣды Златоустовы на Евангелія и посланія Апостольскія, не оставилъ этого въ небреженіи, но поручилъ хорошимъ писцамъ переписать различныя книги, и разсылалъ ихъ куда зналъ, по многимъ монастырямъ, особенно въ соборы, какъ въ царствующій градъ Москву"... Такова была ревность его о распространеніи книгъ, переведенныхъ Преподобнымъ Максимомъ.

Митрополитъ Московскій Платонъ (сконч. въ 1812 г.) устроилъ надъ прахомъ преподобнаго Максима раку и палатку, а усердный почитатель великихъ людей, намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры Архимандритъ Антоній, въ 1833 году устроилъ надъ его могилою часовню, гдѣ во всякое время, по усердію желающихъ, служится панихида по преподобномъ Максимѣ.

Въ преданіяхъ Сергіевой Лавры записано чудо, бывшее надъ гробомъ блаженнаго Максима въ 1561 году, во дни Патріарха Никона. Пришелъ нѣкоторый челоувѣкъ изъ Москвы, слободы Кошельной, по обѣщанію, въ Сергіеву Лавру, и послѣ литургіи отслуживъ молебенъ, какъ самъ рассказывалъ инокамъ, утомившись сѣлъ близъ храма Сочествія Святаго Духа; но вдругъ силою Бежіею сбросило его съ гробницы; несчастный при паденіи разбился и долго не могъ встать; когда же нѣсколько собрался съ силами и всталъ, то пришелъ къ могилѣ и сталъ спрашивать стоявшихъ тутъ людей: кто подъ этою доскою почиваетъ? Ему отвѣчали: „монахъ Максимъ Грекъ“. Тог-

да разбитый воскликнулъ: „Отче Максиме, прости меня“. По его просьбѣ была отслужена по преподобномъ Максимѣ панихида, послѣ чего разслабленный получилъ совершенное исцѣленіе.

Не повѣрилъ сему чуду келейникъ соборнаго старца Вассіана, по имени Іоаннъ, и по самонадѣянности сѣлъ на ту же гробницу, думая про себя: тогда я повѣрю бывшему чуду, когда и со мною то же случится. Несчастнаго постигъ гнѣвъ Божій, и онъ трижды былъ сброшенъ съ гробницы, при чемъ лице его разбилось до крови, раздробились зубы и повредился языкъ. Когда онъ всталъ и, сознавъ свое невѣріе, обратился съ молитвою къ образу Спасителя, говоря: „Господи, прости меня“,—тогда погрузился онъ въ глубокій сонъ и увидѣлъ предъ образомъ Всемиловаго Спаса молящагося невѣдомаго ему инока, котораго и спросилъ: „кто ты“? Тотъ отвѣчалъ ему: „я Максимъ Грекъ“.—Іоаннъ просилъ у него прощенья за то, что прогнѣвалъ его; но святой мужъ съ гнѣвомъ сказалъ ему: „За что безчестишь меня? ты слышалъ, что въ сей день былъ сброшенъ человекъ, сидѣвшій на моей могилѣ: вотъ за невѣріе твое ты получилъ должное наказаніе“. И не давъ ему прощенья, Преподобный скрылся отъ него.

Преподобный Максимъ при жизни своей воспиталъ много учениковъ, которые глубоко чтили своего наставника и раздѣляли его воззрѣнія, стремясь къ истинному просвѣщенію и усердно изучая св. Писаніе и творенія святыхъ Отцевъ. Изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ его были князь Андрей Курбскій и инокъ Нилъ Курлятовъ.

Преподобный Максимъ Грекъ хотя и не причтенъ къ лику Святыхъ, но въ Троицъ-Сергіевой Лаврѣ мѣстно чтится память его надъ его гробницей, и здѣсь онъ чувствуется именемъ Преподобнаго. Его изображенія имѣются въ церквахъ Лавры наравнѣ съ другими прославленными подвижниками Русской церкви. Въ день его памяти, 21 Января, у его гробницы совершается панихида, при чемъ ему поется слѣдующій тропарь, гласъ 8-й:

„Зарю Духа облистаетъ, витійствующихъ Богомуд-

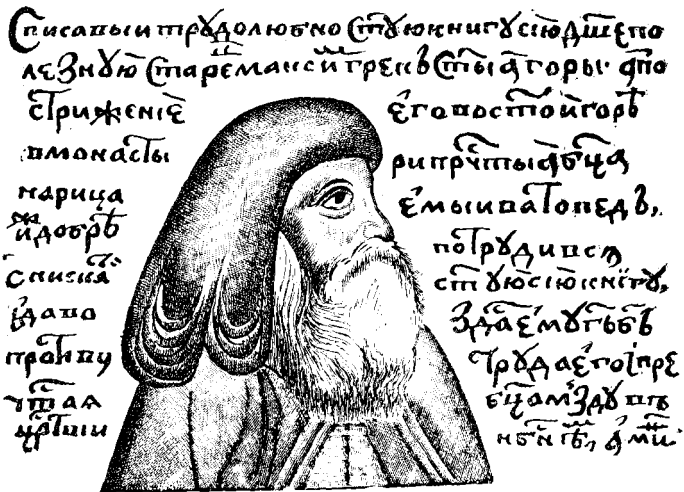
ренно сподобился еси разумѣнія: и невѣдѣніемъ омрачен-
ная сердца человѣковъ, свѣтомъ благочестія просвѣщая,
пресвѣтель явился еси православія свѣтильникъ, Максиме
преподобне, отъ онуду же ревности ради Всевидящаго,
отечества чуждъ и страненъ, Россійскимъ странамъ былъ
еси пресельникъ, за страданія темницъ и заточенія дес-
ницею Вышняго вѣнчаешися и чудодѣйствуеши преслав-
ная. И о насъ ходатай буди непреложенъ, чтущихъ любо-
вію святую память твою“.

Творенія преп. Максима были изданы въ 1859 году
Казанскою Духовною Академіей на славянскомъ языкѣ,
безъ перевода; при чемъ въ предисловіи, между про-
чимъ, говорится: „Время, къ которому относится прос-
вѣтительная дѣятельность въ Россіи преп. Максима Гре-
ка, было временемъ разныхъ печальныхъ нестроеній,
происходившихъ въ ней частію отъ разныхъ иноземныхъ
вліяній, частію отъ домашнихъ причинъ... Въ такое труд-
ное время прибылъ къ намъ изъ Греціи этотъ знамени-
тый и просвѣщенный мужъ. Православная Греція въ ли-
цѣ его подала самую благовременную помощь нашей Цер-
кви, на защиту той вѣры, которую она передала ей и
которая въ это время начала подвергаться такимъ опас-
ностямъ... Онъ изучилъ языки Русскій и Славянскій, по-
знакомился съ религіознымъ и нравственнымъ состояні-
емъ Россіи, съ ея нуждами и потребностями, внимательно
слѣдилъ за всѣмъ, что въ ней происходило, и на каждое
замѣчательное событіе отзывался своимъ просвѣщеннымъ
словомъ. Онъ защищалъ Русскую Церковь отъ притязаній
римской Церкви, писалъ противъ раціоналистическихъ
ученій западной реформы, противъ Іудеевъ, язычниковъ
и магометанъ, исправлялъ богослужебныя книги, объяс-
нялъ церковные обряды, опровергалъ разныя ложныя и
суевѣрныя сказанія, ходившія въ народѣ, вразумлялъ въ
истинахъ вѣры и нравственности всякаго, кто только об-
ращался къ нему за совѣтомъ, переводилъ нѣкоторыя
отеческія сочиненія, и дѣйствуя такимъ образомъ, обра-
зовалъ много людей, которые начатое имъ великое дѣло

духовнаго просвѣщенія Россіи могли продолжать послѣ его смерти. Современники не могли оцѣнить заслугъ Максима: для ихъ очей, омраченныхъ невѣжествомъ, слишкомъ рѣзокъ былъ тотъ свѣтъ истины, съ кѣкимъ онъ раскрывалъ предъ ними заблужденія и пороки ихъ; за его великіе труды они заплатили ему тяжкими преслѣдованіями и продолжительнымъ монастырскимъ заключеніемъ. Но для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе становятся его сочиненія, въ которыхъ вполне отразилась его высокая и свѣтлая личность и темныя черты его времени“.

Чтобы познакомить нѣсколько читателя настоящаго сказанія о Максимѣ Грекѣ и съ характеромъ его нравоучительныхъ твореній, предлагаются здѣсь, въ видѣ прибавленія, два его душеполезныхъ Слова, написанныя въ формѣ бесѣды ума съ душой, которыя, для большей вразумительности, предлагаются въ Русскомъ переводѣ, такъ какъ подлинный Славянскій текстъ мѣстами очень тяжелъ и не вездѣ понятенъ. Въ случаѣ неудовлетворительности настоящаго перевода, потрудившійся въ немъ просить прощенія, питая увѣренность, что найдутся люди, болѣе способные къ этому дѣлу, которые не откажутся потрудиться для пользы ближнихъ, какъ въ исправленіи сего перевода, такъ и въ переводѣ на Русскій языкъ остальныхъ твореній преподобнаго Максима Грека.

Кромѣ означенныхъ двухъ Словъ, въ прибавленіи помѣщается и канонъ Святому Духу Параклиту, написанный преподобнымъ Максимомъ углемъ на стѣнѣ того помѣщенія, гдѣ онъ содержался въ заключеніи.

Въ первомъ томѣ сочиненій Максима Грека (изд. Казан. Дух. Акад. 1859 г.), при которомъ въ началѣ находится настоящее изображеніе, въ концѣ книги, на страницѣ 547 сказано:

„Примѣчаніе. При сей части прилагается изображеніе препод. Максима Грека. Оно снято съ изображенія, помѣщеннаго въ одномъ спискѣ его сочиненій (академической, бывшей соловенцкой библіотеки подъ № 497 въ 8 д.), написанномъ, судя по нѣкоторымъ палеографическимъ признакамъ, въ началѣ или въ первой половинѣ XVII вѣка.“

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Инока Максима Грека Слово весьма душеполезное для внимающихъ ему. Бесѣдуетъ умъ въ душѣ; здѣсь же и противъ лихоимства.

II.

Бесѣда души съ умомъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ, о томъ, откуда рождаются въ насъ страсти; здѣсь же и о Божественномъ промыслѣ, и противъ астрологовъ.

см. I том

III.

КАНОНЪ

БОЖЕСТВЕННОМУ И ПОКЛАНЯЕМОМУ ПРЕСВЯТОМУ ДУХУ ПАРАКЛИТУ.

Твореніе Инока Максима (Грека) Святогорца.

Гласъ 4. Пѣснь 1. Ирмосъ:

Божественнымъ покровенъ, медленно-язычный мракомъ, извитійствова Богописанный законъ: тину бо оттрясѣ очесе умнаго, видитъ Сущаго, и научается Духа разуму, хваля Божественными пѣснями.

Припѣвъ: Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ.

Иже манною препитавый Израиля въ пустыни древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни всесвятаго: яко да о немъ Богоугодно служу ти выну.

Со безплотными Твоими слугами, смѣя припѣваю ти и азъ, земля сый и пепель, три-святаго гласа пѣніе, Троице таяжде и Единице преблагая.

Всегда бурями губительныхъ страстей и духовъ возмущаемъ душею, тебѣ всеблажен-

ному Параклиту, яже о моемъ спасеніи, яко Богу возлагаю.

Нестроеніемъ всяческихъ беззаконныхъ помысловъ омрачаемъ лютѣ, губительнаго сего, молю тя, избавити мя изволи недуга.

Глубиною неразумія, и лютаго нерадѣнія дреманіемъ потопляемъ бѣднѣ, къ тебѣ всепречистому вошю: душевныя сея тли избави мя.

С л а в а:

Во чревѣ заченши дѣвственнѣмъ, егоже изъ чрева прежде вѣкъ Отецъ роди, чревными сладострастіи порабощенна, твоею крѣпкою свободи мя силою.

И н ы н ѣ:

Земля ты едина свята воистинну, яко рождающая всѣхъ Божественный животъ; землю плодоносну душу мою твоему Сыну покажи, Богородице.

Пѣснь 3. Ирмосъ:

Разверзе утробы нечадствовавшія узы, досаду же неудоботерпиму благочадствующія, едина молитва Пророчицы древле Анны, носящія духъ сокрушенъ, къ сильному и Богу разумовѣ.

Благости твоя, Святая Троице, познание велие есть, обновленіе созданнаго по твоему Божественному образу: егоже, воплощеніемъ предивнымъ единаго изъ тебе паче слова, себѣ жилище Божественное показала еси.

Дарованіи твоими святыми, и помыслы священнолѣпнаго благоговѣинства, Владыко, умъ мой украси: яко да въ тишинѣ души и святолѣпномъ устроеніи пою и прославляю тя, Божественный Параклите.

Тайная плотская движениа, отъ гордостныя страсти во мнѣ раждаемая, и пресквернѣ оскверняющая окаянную душу мою, отнюдѣ истреби отъ сея, Владыко, молютися.

Броздами и уздою Божественнаго страха, Владыко, безстудныя души моя встягни устремленіа: яко да зѣльнымъ благоговѣиствомъ, и трезвенною мыслию пою тя, и славлю, Божественный Утѣшителю.

Многими блуженіи растлился конечнѣ, къ тебѣ пресвѣтлѣйшему Солнцу вѣрою притекаю: Божественнымъ твоимъ свѣтомъ душевныя ми очи просвѣтити изволи, Божественный Параклите.

С л а в а:

Живота всѣхъ акы ꙗпитательница Владычице, / умерщвленную мою душу скверными страстьми, оживотворити чистая Божественнымъ твоимъ посѣщеніемъ изволи.

И н ы н ѣ:

Животворныхъ повелѣній твоего Сына, Пречистая, / прилѣжна и спѣшна дѣлателя покажи мя, / лютое разлѣненіе и глубокое дреманіе отъ души моя отнюдѣ истребивши.

Таже глаголи стихи сіа:

Спаси отъ бѣдъ раба твоего, Утѣшителю благій, яко зѣло и безпрестанно нападають на мя нечисти бѣсове, помыслы и мечтаніи скверными.

Призри благоутробіемъ, всепѣтая Богородице, на жестокое сердца моего окамененіе, и просвѣти тму души моея.

Кондакъ, гласъ 2.

Подобенъ: Вышнихъ ищя:

Всѣхъ живота, источника приснотекущаго Божественныхъ даровъ, Духа всесвятаго, яко Отцу единосущна, и Сыну соприсносущна, въ пѣснѣхъ благовѣрно воспоимъ и величимъ, и яко Богу вѣрою поклонимся.

Поклоняюся тебе, Владыко Утѣшителю Боже: помилуй, и спаси поклоняющіяся тебѣ, и Бога исповѣдающія тя.

Пѣснь 4. Ирмосъ:

Царю царей, яковый отъ яковаго единъ, Слове, произшедый отъ Отца безвиновнаго, равномоцнаго твоего Духа Апостоломъ истинно послалъ еси яко благодѣтеля, поющимъ: слава державѣ твоей Господи.

Услышати сподоби мя Господи, тогда многожелаемое званіе твое, въ невѣстникъ небесный созывающее всѣхъ. Преподобныхъ твоихъ.

Осуждена чловѣка, злоначальника прель-

щеніемъ, взыскала и спасла еси, Троице Святая, и прославила еси его: и мое изнемогшее печалію сердце, свыше крѣпостію твоею утверди, и возбуди мысли моя.

Божественнымъ страхомъ пригвозди окаяныя моя плоти мудрованіе, и памятію будущихъ мученій душу устраши.

Дерзновеніе Божественно подаждь ми, водруженную грѣхомъ во мнѣ худость истребивъ, и твоею просвѣти мя благодатію.

Богородице всепѣтая, смиренную, Божественнымъ дарованіемъ обогати душу мою, высоту смиривши величанія.

С л а в а:

- Священное жилище твоего Сына, Богородице, покажи душу мою, безчисленныя ея скверны отгнавши.

И н ы н ѣ:

Крѣщѣ погибаема нестроеніемъ душевнымъ, всепѣтая, молцтвами твоими утверди мя въ Божественномъ страсѣ и любви.

Пѣснь 5. Ірмосъ:

Рѣшительное очищеніе грѣховъ, огнедохновенную приимите Духа росу, о чада свѣтообразная церковная: нынѣ бо отъ Сіона изыде законъ, языкоогнеобразная Духа благодать.

Направи животъ мой пресущественная Троице, къ твоимъ спасительнымъ заповѣдемъ,

и свѣтомъ твоимъ душу мою просвѣти, молотися.

Обдержима суща пленицами лютыхъ прегрѣшеній, рѣшити мя отъ сихъ благоволи преблагій, и цѣломудрія любовію Божественною воспери мя.

Освѣти твоею Божественною благодатію, Параклите, страстьми омраченную душу мою, и глубокую неразумія тму отъ нея изждени.

Зѣло безбоязненно по вся дни прогнѣвляю тя, дѣлы же и словесы скверными, преблагій: но молю тя: нечестія сего избави мя.

С л а в а:

Едина рождшая всякія премудрости источника, преступленіемъ Божественныхъ заповѣдей объюродѣвшую душу мою отнюдь, вразуми всепѣтая.

И н ы н ѣ:

Истреби чистая отъ души моя стужающія ми безпрестанно злыя помыслы, и Богоугодными обогати мя поученіи.

Пѣснь 6. Ірмось:

Очищеніе намъ Христе чи спасеніе Владыко, возсіялъ еси отъ Дѣвы: да яко Пророка отъ звѣря морскаго персей Іону, отъ тли исхитиши всего Адама всеродна нашего,

Страстьми горькими плотскими огорченъ бывъ, окаянною душею моею, и въ тѣхъ, аки

въ послѣднихъ безднахъ, выну Спасе мой потопляемъ, тебѣ молюся: струями живодательнаго, иже у тебе, источника; оживи мя.

Великаго востинну молчанія достойна суть вся твоя тайнства: трилицествуеши бо во единомъ существѣ, и соединяема, пребываеши несмѣсна. Но безначальная Троице, твоихъ рукъ бренное созданіе спаси мя.

Весь цѣль Сынъ, вѣруемъ есть во Отцѣ существеннѣ и Духъ: отъ него бо аки отъ единаго начала соприносущнѣ оба сіяютъ, и пребываютъ о себѣ въ живоначальныхъ ипостасѣхъ своихъ.

Юности гнусными стреканіи на мя вооружився скверный всякимъ образомъ, тѣми душу мою и животъ весь осквернилъ есть: но Параклите преблагій, плодами покаянія исцѣли мя.

Въ напасти лютыя по уму падохъ, и недомѣніемъ содержимъ есмь всюду, и въ бѣды различныя впадаю, и якоже ладія въ морскомъ волненіи обуреваемъ есмь: но преблагій Утѣшителю, лютаго сего обуреванія, молю тя, скоро исхити мя.

С л а в а :

Наденіемъ лютымъ падохъ, преступивъ къ твоему Сыну обѣты моя: но яко источника щедротъ, и благоутробія сущую пучину, всепорочная молю тя: милостива сотвори ми Его.

И нынѣ:

Губительныя на мя навѣты невидимыхъ враговъ моихъ, Дѣво, изгоняй всегда отъ души моея, непобѣдимую и Божественною силою твоею, и даждь ми на нихъ всеоружіе духовное и разумъ.

Таже, спаси отъ бѣдъ:

Кондакъ, гласъ 2.

Всѣхъ животе, свѣте и утѣшеніе, надеждо и наслажденіе, всесвятый Душе, Бога ты знающихъ Отцу и Сыну сопрестольна, даровъ твоихъ сподоби, и грѣховъ отпущеніе даруй имъ.

Пѣснь 7. Ірмосъ:

Согласная возшумѣ органиская пѣснь почитати златосотворенный бездушный истуканъ: утѣшителева же свѣтоносная благодать почествуетъ, еже вопити: Троице единая, равносильная, безначальная благословенна еси.

Всякія злобы и худости нравовъ свободивъ мя, Спасе, /дарованіи всесвятими Божественнаго Параклита обогати мя, поюща: отцевъ Боже благословенъ еси.

Всякаго желѣза и камене жесточайшее сердце мое умягчи, Спасе, да истиннымъ умиленіемъ возопію спасаемъ: отцевъ Боже благословенъ еси.

Со Отцемъ безначальнымъ, Сына и Духа соприсносушна, во единомъ существѣ и тріехъ лицахъ Богословствующе поемъ: /отцевъ Боже благословенъ еси.

Лукавымъ обычаемъ грѣховнымъ рабски побѣждаемъ, тебѣ всеѣхъ Владыцѣ припадая, молюся: скверныя сея работы избави мя.

Крѣпкою силою твоею, грѣхомъ изнемогшую душу мою утвердити благоволи, /да воззову спасаемъ: отцевъ Боже благословенъ еси.

С л а в а :

Разумомъ Божественнымъ, и теплымъ покаяніемъ, Богоблагодатная, умъ мой и душу лютѣ грѣхомъ помраченную, /просвѣтити изволи, да пою ти со Архангеломъ, радуйся Владычице.

И н ы н ѣ :

Плоти моя беззаконная и пристрастная движенія, Богородительнице, умертвивши конечнѣ, благодать Параклитову въ души моей насади, да святолѣпнѣ тя пресвятую прославляю всегда.

Пѣснь 8. Ірмосъ:

Разрѣшаетъ узы, и орошаетъ пламень трисвѣтлый Богоначалія образъ: поютъ отроцы, благословитѣ же единого Спаса и вседѣтеля, яко благодѣтеля, сотворенная всяческая тварь.

Губительнаго разжженія беззаконныхъ помысловъ разрѣши мя, Иисусе мой, да чистымъ сердцемъ славлю тя.

Со Безплотными слугами твоими, высочайшую и вседѣтельную Троицу поемъ ты, и превозносимъ перстни раби твои.

Губительныя находы враговъ моихъ невидимыхъ изгоняя отъ души моея, благодать твою вселити въ ней, Параклите, изволи.

Прошенія, ихже у тебе прошу молитвою, совершати бодренно дѣломъ и страхомъ и любовію сподоби мя Утѣшителю.

Гордыми помыслы сатанинскими бѣящуюся всегда душу мою, Владыко, якоже вѣси, исцѣли.

Паче блудницы и Исава беззаконовавъ, къ твоимъ щедротамъ прибѣгаю: не отрини мене отъ благодати твоея, Параклите пресвятый.

Благословимъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, Господа.

Грѣхолобивъ зѣло паче всѣхъ чловѣкъ свй, всецѣтая къ тебѣ прибѣгаю: спаси мя недостойнаго раба твоего.

И нынѣ:

Любомудрія истины Божественнаго, рачителя покажи мя всецѣтая, страхомъ и любовію исправляющи мя.

Пѣснь 9. Ірмосъ:

Радуйся, Царице, матеродѣвственная славо: всяка бо удобообрацательная благоглаголивая уста витѣйствовати не могутъ, тебе нѣтъ достойно, изумѣваетъ же умъ всякъ, твое рождество разумѣти, тѣмже ты согласно славимъ.

Спасе мой, просвѣщеніе и защитниче, отъ твоя Божественныя радости не отрини мене, пречистыя твоя Матере молитвами святыми.

Съ горними силами, и азъ, со страхомъ ницъ падъ, покланяются перстный, и любовію вошю ти: Троице всевятая слава тебѣ.

Спаси мя, поющаго, покланяющагося и славословящаго державу-неприступныя славы твоя.

Благости нравовъ, и наказанію закона, и разуму Божественныхъ догматъ научи мя, да благоугодно пою ты Божественный Параклите.

Всѣхъ праведныхъ и благоугодившихъ ти сподобитимися изволи радостнаго праздника, да вкупѣ съ ними пою ты, пресвятый Утѣшителю.

Души моя страхованіе, и различныя злобы, и всю ея истребивъ худость, добродѣтелей вѣнцемъ украси ю, святой Параклите.

Слава:

О всенепорочная Дѣво, растлившюся вся-

ческими блуженіи окаянную душу мою, твоими святыми молитвами исцѣли.

И нынѣ:

О Божественная ходатаице Богу и человѣкомъ, / худую сію молитву мою Божественному Параклиту принеси, молю тя, всевятая Богородице.

Таже: Спаси отъ бѣдъ:

И тропари сія:

Достойно есть воистину величати тя, Бога Слова, егоже трепещуть и ужасаются Херувими, и славословятъ Силы небесныя, отъ Дѣвы непрележно воплощагося Христа, жизнодавца и Господа.

Достойно есть воистину превозносити тя славословіи, всепреблагаго и всепресвятаго, и хранителя жизни нашея, со Отцемъ и Сыномъ Богоначально царствующаго видимыми и невидимыми, отъ Отца единаго исходящаго Божія Духа, велика же и страшна со страхомъ славити.

С л а в а:

Поемъ тя вси Боголѣпно пѣнїи Божественными, Отца и Сына и Духа Божественнаго, трисоставную державу, едино царство и господство.

И нынѣ:

Владычице, Мати Избавителя, прїими. молитвы твоихъ нецотребныхъ рабъ: имже воздаждь избавленіе грѣховъ, и Богоугодная жизни прїятное исправленіе.

Молитва ко пресвятому Духу.

Пріими Владыко, преблагій Параклите, единъ сый святыя и покланяемыя единосущныя же и нераздѣлимыя Троицы, худое сіе моленіе, емуже благоволилъ еси приносиму бывати тебѣ, отъ чловѣка грѣшнаго и осужденнаго; и прости ми согрѣшенія моя, вольная и невольная; отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждихъ пощади раба твоего. Благоволи о мнѣ грѣшнѣмъ и не потребнѣмъ, и немощи души моя послѣти благодатію твоею, и исцѣли сокрушеніе ея. Помилуй мя, Владыко, Параклите, Боже, помилуй мя, освяти мою душу и тѣло, просвѣти ми умъ и разумъ, очисти совѣсть душевную отъ всякія скверны, нечистыхъ помысловъ, умышленій лукавыхъ и разумѣній хульныхъ, и отъ всякаго превозношенія, гордости же и киченія, високоумія же и дерзости, и сатанинскаго шатанія, и отъ всякаго фарисейскаго лицемѣрія и презорства, и отъ всякаго студнаго и лукаваго обычая моего избави мя до конца, славы ради имене твоего: и даруй ми искреннее покаянiе, сокрушеніе сердца моего и смиренномудріе, кротость же и тихость, и всякое хрістіанское благоговѣнство, разумъ же и художество духовное, со всякимъ благоразуміемъ, благодареніемъ и терпѣніемъ совершеннымъ. Ей Боже, сла-

вы ради имени Твоего услыши мя грѣшнаго молящагося тебѣ, и сподоби мя, въ прочее время окаянныхъ жизни моя каятися искреннѣ моихъ беззаконій; со всякимъ смиренномудріемъ, цѣломудріемъ же и воздержаніемъ истиннымъ, отступившу мнѣ всякаго сомнѣнія, двоедушія, и нечувствія, и соблюди мя, Владыко, во всякомъ благочестивомъ и православномъ исповѣданіи вѣры хрістіанскія: да сподоблюся во вся дни живота моего, безъ сомнѣнія пѣти Тя, благословити, славословити, и глаголати: Святыи Бже, Отче безначальный; Святыи Крѣпкій, Сыне его собезначальный; Святыи безсмертныи, Душе Святыи, отъ Отца исходяи, и въ Сынѣ пребывайи и почивайи: Троице всевятая слава тебѣ. Слава тебѣ Святая Троица единосущная, животворящая и нераздѣлимая, всѣхъ ради слава тебѣ.

Слава тебѣ, Мати Божія, вѣрныхъ прибѣжище, и избавленіе въ лютыхъ содержимымъ, и души моя Божественное утѣшеніе; всеокаянную душу мою, о Богоблагодатная, уязвленную стрѣляніи ратника, твоему всесильному предстательству поручаю, юже соблюдай, покрывай и спасай отъ бѣсовскихъ козней невредиму, да вопію ти: *радуйся Невѣсто неневѣстная.*

Замѣченныя опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
53.	4 сн.	возлюбимъ	возлюбишь
54.	3 сн.	за существующимъ	за несуществующимъ
112.	14 сн.	тебе,	тебѣ,
120.	17 сн.	непрележно	непреложно

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✓ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✓ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✓ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:**

info@axion.org.ru